

Д У Х Ъ
ИЗЯЩНѢЙШИХЪ
МНѢНІЙ,

*Избранныхъ большею частію изъ
сочиненій Г. Рошефокольда
и прочихъ лучшихъ
Писателей.*

Перевелъ и избралъ
Н. С.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1788.

Г. А. Дух

A-121404

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ я читалъ книгу, подъ заглавіемъ: Духъ изящнѣйшихъ мнѣній, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Советникъ, Красносельскій Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

12/11/21

4

8

1.4.14



ДУХЪ

ИЗЯЩНѢЙШИХЪ МНѢНІЙ.

I.

Мало нужно ума для по-
сабдованія принятымъ
нынѣ мнѣніямъ; напрошивъ же
того много онаго пошребно,
чтобъ бысть отъ нынѣ такихъ
мыслей, каковыхъ весь свѣтъ
будетъ еще чрезъ трищаты
лѣтъ.

II.

Любимцы подобны солн-
чнымъ часамъ, къ коимъ тогда

шкмо прибѣгають, когда солнце щастія освѣщаетъ ихъ; когда же оно не сообщаетъ имъ болѣе своихъ лучей, то никто по шомъ на нихъ уже не сморитъ.

III.

Доброе о человекѣ мнѣніе подобно его шѣни, которая иногда за нимъ слѣдуетъ, иногда же опереживаетъ его; часто длиннѣе, а не рѣдко и короче самаго его бываетъ.

IV.

Истинна и ея наружности столь имѣють одинакія другъ съ другомъ отношенія, что иногда и шѣ почитаются знающими людьми, кои усматриваютъ находящееся между ими различіе.

V.

Тѣ, кои извѣспны будучи о малоуміи своемъ, удручаютъ память свою изученіемъ разума другихъ, подобны сухощавымъ людямъ, которые вздѣваютъ платье на плашье, дабы имъ самымъ скрыть ихъ худобу.

VI.

Мудрость не иное что есть, какъ наилучшее предусмотреніе того, что къ щасливому и безбѣдному препровожденію ся жизни способствуетъ; она изъ прошедшаго разсуждаетъ о настоящемъ, а изъ сего проникаетъ въ будущее.

VII.

Хорошо думать, говорить то, что думается, и дѣлать то,

что говорится, суть при качества, нужныя разумнымъ Государямъ для благополучнаго правленія своими народами.

VIII.

Добродѣтельный человекъ никакой не можетъ имѣть печали, кромѣ той, что поздно узналъ удовольствіе содѣлывать щастливыми несчастныхъ.

IX.

Сугубой цѣны есть прелесть той, которая присовокупляетъ къ изящной своей красотѣ преимущество быть неизвѣстною о томъ, что она прекрасна.

X.

Искусные люди припворяются иногда незнающими въ
дѣ-

дѣлахъ, имѣющихъ хитрость главнѣйшимъ основаніемъ своимъ. Въ самомъ же дѣлѣ кажутся они таковыми для сохраненія въ тайнѣ ихъ замысловъ и предпріятій.

XI.

Самое лучшее средство успокоить самолюбіе шѣхъ, коимъ учинили мы нѣкоторыя благодѣянія, состоитъ въ потребованіи отъ нихъ малотрудныхъ опытовъ благодарности.

XII.

Пренебрегать отъ людей оказываемыя намъ презрѣнія есть опытъ великія добродѣтели, научающей терпѣнію и незнанію о слабостяхъ и невѣжествахъ человѣческихъ.

XIII.

Тишина государства не всегда означаетъ благополучіе подданныхъ. Въ областяхъ, Судіями управляемыхъ, люди подобны шѣмъ кусаемымъ осами лошадямъ, кои, претерпѣвая најесточайшія мученія, ни мало не прогаются съ мѣсца.

XIV.

Съ самолюбіемъ такъ должно поступать, какъ обходится благоразумная жена съ мужемъ ограниченнаго ума. Она уважаетъ только справедливыя его требованія, въ исполненіи же прочихъ его прихотей оставляетъ его токмо что въ пріятной надеждѣ.

XV.

Тѣ, коихъ ничто не въ состояніи обидѣть, и шѣ, кои
всѣ-

всякою бездѣлкою обижаются, равно сущь негодные и бесполезные люди для общества.

XVI.

Добродѣтельные люди имѣють по себѣ наслѣдниками всѣхъ шѣхъ честныхъ людей, кои были свидѣтелями дѣлъ ихъ.

XVII.

Причины къ оказанію благодарній, основаны будучи на пристрастіяхъ, заставляють всѣхъ имѣть на оныя право, даже и самыхъ шѣхъ, кои совсѣмъ ихъ недостойны.

XVIII.

Сколь бы много Герои наши невозможностей бысть оными безъ великаго дара! и коликую

бы Герои познали тщетность въ содѣланіи себя шаковыми, естли бы имѣли хоша только ограниченный умъ!

XIX.

Скромные люди подобны такимъ Государямъ, кои, довольно вѣдая о своихъ силахъ, не стараются оными прославаясь; но въ случаѣ же несправедливаго на нихъ нападенія споль уже много дають оныя ощущашь, что по мѣрѣ выгодъ, кои симъ чають пріобрѣсти, преступають даже предѣлы правосудія.

XX.

Налагаемыя Государемъ на подданныхъ его подати должны бышь подобны шѣмъ солнцемъ изъ земли извлекаемымъ парамъ,

рамъ, кои обратно на оную
низпадають прохладною росюю.

XXI.

Тѣ, кои представляють себя
чуждыми всякаго заблужденія,
не стоятъ труда бытъ выве-
денными изъ сего ихъ собствен-
наго безумія.

XXII.

Шествіе къ славѣ, чаятель-
но, бытъ можетъ короче чрезъ
пусть добродѣтели; по крайней
мѣрѣ извѣстно то, что мы на
сей стезѣ встрѣшимся весьма
съ малымъ числомъ людей, сди-
наго съ нами ищущихъ.

XXIII.

Часто любовнику превосхо-
днѣйшаго стоитъ труда ска-
зать, что онѣ уже болѣе не
любятъ, нежели коликаго ему
сто-

стоило первоначальное объявление о страсти его.

XXIV.

Хотя искусство скрывать глупость требуетъ совершеннѣйшаго знанія; но сіе весьма рѣдко можешъ льстить самолюбію нашему: ибо источникомъ онаго ничто иное есть, какъ навыкъ къ учиненію оныхъ глупостей.

XXV.

Разумъ и здравый рассудокъ подобны мужу и женѣ, кои, предопредѣлены будучи взаимно другъ другу помогать, всегда между собою находящаяся въ несогласіи.

XXVI.

Должность женщинъ состоитъ въ исполненіи добродѣтелей;

лей; самыя ихъ преимущества кажутся бытъ на оныхъ основанными. Многие забываютъ должность сію, но о преимуществахъ всѣ весьма помнить.

XXVII.

Скромность, украшающая большую часть разумныхъ людей, кажется въ иныхъ спольстранною добродѣтелию, что содѣлываетъ ихъ болѣе, нежели смѣшными.

XXVIII.

Всякой жалуется на свою память, и никто на свое разсужденіе.

XXIX.

Часто удобнѣе казаться достойнымъ той чести, кою мы еще не приобрѣли, нежели той, которую мы уже удостоены.

XXX.

XXX.

При старости болѣе говорятъ о прошедшемъ, для того что настоящее не можешь сдѣлать хорошаго, а будущее веселаго впечатлѣнія.

XXXI.

Мы охотно ищемъ знакомства съ шѣми, коихъ мы разсматривать стараемся; и по сей же самой причинѣ презираемъ обхожденіе шѣхъ, кои насъ самихъ строго признаютъ.

XXXII.

Опаснѣйшее дѣйствіе задумчивости есть печальное утѣшеніе, которое находимъ во всемъ томъ, что ее пишеть. Темноша и уединеніе прелестны для людей, въ семъ состояніи пре-

пребывающихъ. Видъ лучшихъ пріятностей для печальныхъ несносенъ и скученъ.

XXXIII.

Любви самой себя довольно для веселья; она одна должна занимать всѣ наши минушы. Любящіеся и посреди суешныхъ забавъ, не видя ничего, кромѣ любимаго ими предмета, уединены пребываютъ. Тогда всѣ наши чувства, всѣ наши вкусы къ оному токмо прилѣплены суть, и уже ко всякому другому увеселенію душа наша становится неприспунною.

XXXIV.

Недостойны тѣ нравиться друзьямъ своимъ, кои никогда не подвергаютъ себя ихъ негодованію.

XXXV.

XXXV.

Философъ познаетъ добродѣтель и небрежетъ о ней; ложный богомоль, научая оной, содѣлываетъ ее странною; апузаситъ, провозглашая ее, шворитъ прошивною; одинъ только честный человекъ ей слѣдуетъ и служитъ истиннымъ въ оной примѣромъ.

XXXVI.

Разлукою многому себя подвергнуть можно; многого и то уже сполнитъ, чѣмъ быть во ожиданіи: ибо желая щастія, теряютъ время, въ которое онымъ можно было уже пользоваться.

XXXVII.

Малоумные болѣе имѣютъ привлекательнаго по наружности,
сти,

спи, нежели самоумнѣйшіе люди; ибо ограничены будучи весьма въ узкомъ предѣлѣ, имѣющъ они болѣе времени образовашь самомалѣйшія мѣлкости и достигнуть до предметовъ, составляющихъ ихъ главнѣйшія цѣли.

XXXVIII.

Все время, которое теряется на притворство, есть похищенное щастіе у любовника.

XXXIX

Богачъ, имѣющій только что хорошій столъ, равномернаго достоинствѣ сожалѣнія, какъ и нищія, имѣющіе одинъ только хорошій позывъ на ѣду.

XL.

Хорошіе законы могутъ болѣе имѣть дѣйствія надъ людь-

Б

ми,

ми, исполненными грубости и невѣжества, нежели надъ людьми развращенными и привыкшими уже слѣдовать худымъ наставленіямъ. И сіе самое подобно тому, что Скульпторъ лучшую можетъ сдѣлать статую изъ куска мрамора, нежели изъ испорченной уже статуи.

XLI.

Умозрѣнія ученыхъ людей какъ скоро хотя малую приносятъ пользу человѣческому обществу, чрезъ то самое могутъ назваться уже добрыми дѣлами.

XLII.

Сила привычки, неспособность жить одному, трудность производить въ дѣйство новые замыслы, и неудовольствіе видѣть

дѣтъ себя въ обществѣ чуждымъ, много поспѣшествуютъ къ неоставленію старинныхъ знакомствъ, и придають даже и самой скукѣ видъ постоянного веселія.

XLIII.

Гораздо лучше изыскивать истинну, и чрезъ то самое быть почитаему отъ простолюдиновъ невѣждою, нежели быть признану мудрымъ, слѣдуя заблужденіямъ ихъ.

XLIV.

Истинна въ разсужденіи Философа подобна горѣ, въ дальности имъ усмотрѣнной. Думая, что находится уже возлѣ нее, онъ въ себѣ обманывается. Пробѣгая немалое разстояніе по дорогѣ, около нее лежащей,

доколѣ на оную не всходитѣ, всегда имѣетѣ ее предѣ глазами своими.

XLV.

Имѣйте такія мысли о людяхъ, кои бы вамѣ открытъ не постыдно было и предѣ самимѣ Творцемѣ; не возсылайте ко Всевышнему молитвъ, которыя бы вы успыдились повшорить предѣ подобными вамѣ.

XLVI.

Объявленіе о нѣжнѣйшемѣ чувствованіи весьма много сподобитѣ честной женщины; но когда таковыхъ свойствъ женщины принужденными найдутся въ ономѣ признахъ: тогда уже въ любви не дѣлаютѣ онѣ затрудненій, излишно употребляемыхъ большею частію женщинѣ.

XLVII.

XLVII.

Не смотря на жалобы, приносимыя на обманщиковъ, сами мы всякой день бываемъ при-мѣромъ шаковыхъ людей.

XLVIII.

Учтивое обхожденіе есть одобрительное письмо чужестраннымъ и дружеское письмо знакомымъ людямъ.

XLIX.

Чрезмѣрная скромность есть знакъ неосновательной гордости.

L.

Просвѣщеніе пораждаетъ въ насъ множество удовольствій. Самолюбіе и корыстолюбіе, сіи двѣ главнѣйшія наши страсти,

удовлетворяются и обольщава-
ются онымъ; ибо помощію про-
свѣщенія надѣемся мы быть до-
стойнѣе и богатѣе.

Ц.

Человѣкъ, удивляющійся кра-
сотѣ прелестной женщины, не
долженъ желать быть ея му-
жемъ; въ противномъ же слу-
чаѣ уподобится онъ тому че-
ловѣку, которой, прельщаясь яб-
лочками Гесперидскаго сада, воз-
желалъ сдѣлаться приставлен-
нымъ къ нему для сохраненія
дракономъ.

ЦІ.

Добродѣтели мудраго чело-
вѣка подобны бриліантамъ,
украшающимъ такую женщину,
коя собственныя прелести пре-
восхо-

восходящѣ и служатѣ украше-
ніемѣ драгоцѣннымѣ камнямѣ.

LIII.

Любовь подобна острымѣ
спиртамѣ, кои чѣмѣ менѣе вы-
дыхаются, тѣмѣ сильнѣйшей из-
дающѣ запахѣ.

LIV.

Три рода художниковѣ со-
здающѣ обширное зданіе на-
укѣ и просвѣщенія. Законо-
искусники дѣлающѣ подмостки
кѣ строенію, Философы взя-
лись стараться о благоразполо-
женіи комнатѣ, а люди остро-
го ума пекутся о украшеніяхѣ.

LV.

Дѣла великихѣ людей по-
добны такимѣ рѣкамѣ, кои

впекають въ Океанъ чрезъ каналы укрытыя отъ глазъ народа,

LVI.

Благоденствовать, по мнѣнію истинныхъ мудрецовъ, есть то, чтобъ обитать среди сердца своего, быть окруженну добродѣтелями своими, и не привлекать на себя ни чьихъ взоровъ.

LVII.

Люди, показывающіе умъ свой въ одномъ только родѣ дѣлъ, подобны кривымъ, на коихъ должно смотрѣть съ одного боку.

LVIII.

Честолюбивый сооружаетъ пышныя зданія, отрокъ строитъ

ишѣ дома изѣ картѣ, Государь занимается средствами и низвергнуть могущественнаго непріятелиа, а пастухѣ выдумками погубишь волака, наносящаго вредѣ стаду его. Каждый въ жизни своей имѣетѣ цѣль; и тотѣ, кто занимается великими предпріятіями, не всегда бываетѣ человекѣ мудрый.

LIX.

Много есть такихѣ людей, кои за сошвѣштованіе любви ихѣ плашатѣ непостоянствомѣ, а при холодности пылаютѣ самымѣ сильнѣйшимѣ огнемѣ.

LX.

Я вступаю въ лѣсѣ и ищу пріятелиашаго предмета. Зрѣ-

ніе мое устремляется въ опда-
ленность, но я не вижу кро-
мѣ шерня и голыхъ кустарни-
ковъ. Межъ сросшихся неплод-
ныхъ древъ, во множествѣ ядо-
витыхъ расщепій цвѣшковъ,
имѣющей живой и пріятный
видъ, увеселяетъ усталое мое
зрѣніе. Подобно сему раскры-
ваю я великую книгу дѣлъ
смертныхъ. Прежде нежели до-
хожу до дѣянія великодушна-
го и утѣшающаго человѣчества,
прехожу я чрезъ груды ужа-
стей и злодѣянія.

LXI.

Тѣ, кои желаютъ быть по-
читаемы знающими простолю-
диновъ весьма основательно, са-
ми не менѣе оныхъ просты.

LXII.

Память несвромнаго есть
опаснѣйшая его непріятельница.

LXIII.

LXIII.

Наслаждаться бытіемъ своимъ есть то, чѣмъ обладаешь въ тишинѣ своєю душою, знаешь дѣйствія и слѣдовашь ей.

LXIV.

Ограниченнаго ума человѣкъ занимается удовольствіемъ своего щеславія; человѣкъ же, одаренный великимъ умомъ, опровергаетъ и такую честь, которая весьма справедливо ему принадлежитъ. Въ семъ случаѣ онъ подобенъ такимъ людямъ, кои, наслаждаясь совершеннымъ здоровьемъ, отъ сего состоянія не ощущаютъ никакого живѣйшаго чувствованія.

LXV.

Любящіе пияжбы и хлопоты весьма подобны пшцамъ, ловимымъ

мымъ прикормкою. Вѣсы Правосудія есть блюдо, на кое кладушъ оную приманку; а сѣпи, въ кои они уловляются, служатъ прикрытіемъ оной приманки.

LXVI.

Печаль предуготовляетъ душу нашу къ дружбѣ и нѣжности. Нецѣстный, утѣшаясь одною только искренностію, любилъ шокмо шѣхъ, кои принимаютъ его съ отверстою душою.

LXVII.

Женщина, предписавшая себѣ правила, хотя и думаетъ, что не имѣетъ, либо подвержена бытъ не можетъ слабостямъ; однако же благошворительная при-

природа рано или поздно да-
етъ знать, что сія въ себѣ из-
лишняя удостовѣренность есть
не иное что, какъ одно шолько
заблужденіе.

LXVIII.

Книги доставляютъ намъ
матеріалы къ строенію изящ-
наго зданія науки, разумокъ
сбираетъ и соединяетъ ихъ, а
опытность вводитъ въ оное
обычай премудрость.

LXIX.

Еслии разсудишь о всѣхъ
тѣхъ похвалахъ, кои нѣктош-
рые люди другъ другу взаимно
приписываютъ: то можно по-
думать, что они ими сами хо-
тятъ сдѣлаться смѣшными, или
смѣются надъ тѣми, кои ихъ
слушаютъ.

LXX.

LXX.

Веселіе произраждаетъ до-
вѣренность; оно есть ключъ къ
сердцу нашему, магнитъ, при-
влекающій разумъ, лучъ, разсѣ-
вающій ненастье.

LXXI

Человѣкъ, всегда самимъ со-
бою довольный, рѣдко бываетъ
другими, а другіе имъ доволь-
ны.

LXXII.

Находясь такія тайны, кои
должно поручать удостовѣрив-
шись уже въ почтеніи тѣхъ, ко-
имъ мы смѣемъ о нихъ объ-
являть.

LXXIII.

Погрѣшности Государей и
знашыхъ Особъ столь видны,
какъ

какъ великихъ свѣшилъ за-
шмѣнія.

LXXIV.

Споры подобны рыбѣ, кошо-
рая хоша и вкусна, но имѣя
много костей, не рѣдко тѣхъ,
кто ѣстъ оную, подвергаетъ
великой опасности.

LXXV.

Должно совершенно быть
искуснымъ въ предложеніи сво-
ихъ замысловъ человѣку знаш-
ному и склонному къ прошиво-
борствованію, такъ чѣшобъ
увѣришь его, что онъ первой
здумалъ оныя произвести въ
дѣйство. Сія хитрость, пи-
тая его гордость, въ состоя-
ніи будетъ вложить въ него
мысли содѣлать себѣ честь про-
изведеніемъ оныхъ въ дѣйство.

LXXVI.

LXXVI.

Некоторые люди уши подобны кровопускальным рожкам, наполняющимся всем, что только есть худого.

LXXVII.

Все страсти составляютъ дѣла глупости, а любовь производитъ смѣшныя.

LXXVIII.

Честная женщина есть сокровище. Кто нашелъ его, очень хорошо поступаетъ, когда не хвалится онымъ.

LXXIX.

Старые дураки глупѣе молодыхъ.

LXXX.

LXXX.

Безобразіе заставляетъ полагать добродѣшель съ нею соединенною, а красотѣ приписываютъ слабости; однако же какъ по, такъ и другое не всегда бываетъ справедливо.

LXXXI.

Иногда не неприятно мужу имѣть за собою ревнивую жену, потому что можетъ часто слышать имя любимой имъ особы.

LXXXII.

Страсти суть вѣтры, подвижающіе жизнь нашу подобно кораблю; разумъ же есть кормщикъ, онымъ управляющій. Корабль не могъ бы плыть безъ вѣтровъ и погибъ бы безъ кормщика.

В

LXXXIII.

LXXXIII.

Льстецы шакую же получають пользу отъ знатныхъ, какъ Лѣкари отъ мнимоскорбящихъ людей. Ся плашуть за болѣзни, а шъ за добродѣтели, коихъ они не имѣють.

LXXXIV.

Познаніе споль же необходимо для души, сколько здорověе для шѣла.

LXXXV.

Сердце человѣческое есть непрестанное произведеніе страшей, шакъ что истребленіе одной есть почти всегда возстановленіемъ другой.

LXXXVI.

Красота безъ пріятности подобна приманкѣ безъ уды.

LXXXVII.

LXXXVII.

Судья долженъ разбѣрять наказаніе преступленію. Министръ же обязанъ чинить оное сообразно послѣдующимъ ошѣшого пользамъ.

LXXXVIII.

Чрезмѣрная обширность разума и великое невѣжество имѣющѣ одно только въ томъ сходство, что равно презирающѣ всѣ человѣческія знанія.

LXXXIX.

Разумный человѣкъ, обманутъ будучи глупцомъ, удивляется не столько много, какъ глупецъ, обманушый умнымъ человекомъ.

XC.

Тщеславіе подобно шѣмъ прышкимъ бѣгунамъ, кои идушѣ

шагомъ, когда всжами ихъ крѣпко держашъ; и напротивъ того когда оныя опускающъ, то скачущъ изъ всей своей силы.

ХСІ.

Любовнику почти не возможно оказать себя умѣреннымъ въ рассказываніи своей любезной о спраданіяхъ его. Опасность, чтобъ не сказать мало того, что можетъ ее увѣришь, заводишь его столь далеко въ объясненія, что всему тому, что онъ говоришь, не возможно бываетъ повѣрить.

ХСІІ.

Весьма то достоверно, что большая часть женщинъ, уловившихъ въ сѣти свои богатыхъ и чиновныхъ людей, имѣющъ холодное сердце, слабыя чув-

чувствованія и развращенную голову. Выборъ ихъ происходитъ не по разуму, не по любви и не для удовольствія. Одна глупость и вѣтренность разгорячаетъ ихъ воображеніе и заставляеиъ любить человека, попеременно становящагося предметомъ, сообщникомъ и жертвою ихъ свенравія. Любовникъ для того имъ нравился, что представился первой, и вскорѣ оставляется для другаго, не имѣющаго никакого иного достоинства, кромѣ того, что онъ поступилъ въ любовники послѣ онаго.

XCIII.

Сладострастіе подобно надеждѣ, которая дополъ насъ утѣшаетъ, пока не содѣлается причиною сожалѣнія и раскаянія нашего.

XCIV.

Болѣе пошребно швердостн кѣ снесенію благополучія, нежели нещастія.

XCV.

Раскольннкн подобны куба-рамъ, коихъ ешьян хлыщущъ, шо онн вершяшся; ешьян же не шрогающъ, шо стояшъ на од-номъ мѣстѣ.

XCVI.

Исполненіе добродѣтели во всякое время для насъ пріятно, и особенно драгоцѣнно бываетъ шогда, когда духъ нашъ удрученъ печалію; ибо вспомошествованіе шѣмъ, кои насъ нещастливѣе, ешъ еднное средство усладнть собственныя наши горести и сшраданія.

XCVII.

XCVII.

Естьлибѣ мы не имѣли въ себѣ множества пороковъ, то и не находилибѣ никакого удовольствія примѣчать оныя въ другихъ.

XCVIII.

Добродѣтельный въ нищестѣ подобенъ путешественнику, ко-
ему вѣтръ и дождь препят-
ствуютъ закрыться его епан-
чею.

XCIX.

Корысть говоритъ всякаго
рода языками и представляетъ
всякаго рода лицо, даже и са-
маго безкорыстнаго.

С.

Ничѣмъ недовольный по-
хожѣ на шакаго человѣка, ко-

порой провождаетъ всю свою жизнь въ сѣтованіи на то, для чего Сейна печетъ къ Руану, а не назадъ къ Мелуну.

СІ.

Говорятъ, что дружба тогда не у мѣста, когда дѣло идетъ о любви; но мнѣ кажется, что она-то и должна женщиной быть порукою за сердце ся любезнаго. Самыхъ грубѣйшихъ людей сердца могутъ воспламениться огнемъ любви. Природою вліянная сила влечетъ оба пола одинъ къ другому. Тончайшая душа равно и невѣжесвомъ исполненная могутъ быть склонны къ любви; напрошивъ же того познашь дружбу свойственно только одной нѣжнѣйшей и чистѣйшей душѣ. И для сего-то
жен-

женщины должны сколько можно болѣе имѣть опасенія до-
вѣряться человѣку, только что
ихъ любящему.

СII.

Трудно рѣшишь любовь; но
сказать можно о ней только
то, что въ душѣ она есть
спрасть владычествовать, въ
разумѣ симпатія, а въ пѣлѣ
пошасное и нѣжное желаніе
обладать любимымъ пред-
метомъ.

СIII.

Говорить много и хорошо
есть даръ острога ума; гово-
рить мало и хорошо есть свой-
ство мудраго; говорить много
и худо означаетъ дурака; го-
ворить мало и худо есть знакъ
безумца.

CIV.

Школьные врали подобны собакамъ, кои для малаго кусочка мяса охотно грызущъ превеликія кости.

CV.

Презрѣніе богатствъ въ Философахъ было тайнымъ желаніемъ мстити за свое достоинство несправедливости щастія; презрѣніе тѣхъ же самыхъ богатствъ, которыхъ оное ихъ лишило, было тайнымъ защищеніемъ униженія бѣдности, служившей побочною дорогою къ полученію уваженія, которое богатство у нихъ похищало.

CVI.

Разумъ всѣхъ законовъ наиболее подтверждаетъ то, что
ВОЛЯ

воля каждаго челоуѣка не должна бытъ закономъ.

CVII.

Нѣкоторыя Писатели подобны актрисамъ; потому что какъ для сихъ полезно, чтобъ ихъ видѣли только на театрѣ, такъ для шѣхъ выгодно, чтобъ ихъ знали только по ихъ сочиненіямъ.

CVIII.

Естьли бы основатели, исполняясь честолюбія, захотѣли требовать уваженія ихъ дѣла: то большая часть полезныхъ и великихъ ихъ установленій не могла бы достигнуть до такой степени уваженія, на коемъ мы оныя видимъ.

СIX.

Находятся нужныя препинаніа для испивны. Онныя раздуваютьъ пепелъ, покрывающій оставленный огонь, и премѣняютьъ онаго мрачныя искры въ жестокій и свирѣпый пламень.

СХ.

Человѣкъ, коему ничто не нравится, несчастливѣе того, кошорой никому не нравится.

СХI.

Отказъ въ приписуемыхъ похвалахъ есть желаніе быть дважды похвалену.

СХII.

Искусство кспташи казаться незнающимъ въ шомъ,

о чемъ имѣемъ мы свѣденіе, есть такое похвальное знаніе, которое не весьма многимъ извѣстно.

СХІІІ.

Нѣкоторые бываютъ скучны, имѣя достоинство, а другіе нравятся и съ пороками.

СХІV.

Въ людскихъ разсужденіяхъ всегда есть что либо удивительное и такое, отъ чего можно перестать удивляться.

СХV.

Любовь къ славѣ поражается въ людяхъ всегда почти при достоинствахъ, споспѣшествующихъ удобно приобрѣсть оную.
При-

Природа поступила весьма справедливо, лишивъ ограниченныя умы рвенія къ оной; ибо не смотря на благороднѣйшія внушенія славы, искавши ее они, содѣлали бы ихъ гораздо смѣшнѣе, нежели каковыми они прежде казались.

CXVI.

Есѣли мы хотимъ, чтобъ знатныя люди всегда о насъ помнили, то должны всегда находиться при нихъ. Памяшь ихъ въ семъ случаѣ подобна зеркалу, которое изображаетъ въ себѣ только тѣ предметы, кои предъ онымъ стоятъ.

CXVII.

Скоро спановятся въ обществѣ противными тѣ люди,
кои

кои вступающѣ въ оное для
шого, что сами себѣ прошивны.

СХVIII.

Оставляя въ заблужденіи
человѣка, наполненнаго собствен-
нымъ своимъ достоинствомъ,
есть оказывать ему столь же
худую услугу, какъ тому Аѳин-
скому дураку, которой почи-
шалъ всѣ корабли, вступающіе
въ гавань, за принадлежащіе
ему.

СХIX.

Разсудокъ состоитъ въ
усмотрѣніи различія въ вещахъ,
весьма сходившихъ; а разумъ
въ усмотрѣніи сходства въ ве-
щахъ, очень различныхъ.

СХХ.

Зависть есть столь проши-
вное свойство, что должно счи-
тать

пашь за добродѣшель чрез-
мѣрное шщеславіе изшребляшь
оную.

СХХІ.

Воображеніе иногда поража-
даешь предразсужденія въ томѣ
же самомѣ человекѣ, въ коемѣ
разумѣ оныя отвергаешь.

СХХІІ.

Тотѣ, кто не хочешь да-
ваться въ обманѣ, подвергаеть
себя пересужденію, а не рѣдко
и самую честь свою опасности.
И по сему въ свѣтѣ семѣ поле-
зно знашь, до какого степени
соразмѣрно состоянію и богат-
ству нашему должны мы поз-
воляшь другимѣ себя обманыва-
вать.

СХХІІІ.

СХХІІІ.

Истинная скромность подобна густѣйшему дереву, скрывающему подъ листьями своими приносимые имъ плоды.

СХХІV.

Защитники нѣкопрыхъ мнѣній не рѣдко прошивъ желанія и чаянія своего содѣлывающся оборонителями шакихъ мнѣній, кои до того они опровергали.

СХХV.

Старость подобна театраль-ной піесѣ. Еслии первыя дѣйствія были худы, то отъ искусства Автора зависить улучшить оныя, наполния наивозможною красотою и привлека-

пельностію послѣднія дѣйствія
и развязку піесы.

СХХVI.

Дураки для умныхъ людей
гораздо полезнѣе, нежели умные
для дураковъ; потому что раз-
умные слабости и проступки
ихъ ясно могутъ видѣть, а
глупцы, не зная цѣны похва-
льныхъ дѣяній, не могутъ онымъ
послѣдовать.

СХХVII.

Нѣкоторые люди подобны
новому деревянному судну, въ
которое что сперва положено
было, тѣмъ и всегда будетъ
пахнуть.

СХХVIII.

Знатные лестъ любящіе
люди подобны вѣшреннымъ мѣль-
ни-

ницамъ, на которыя чѣмъ болѣе дуешь вътрѣ, тѣмъ болѣе доставляютъ онѣ муки.

СХХІХ.

Нынѣ трудяе одного мудрымъ учинить, нежели въ прежнія времена семь, и пошребно болѣе искусства и знанія въ обхожденіи съ однимъ разумнѣйшимъ мужемъ, нежели сколько нужно было въ древнихъ вѣкахъ съ цѣлымъ народомъ.

СХХХ.

Просвѣщеніе и знаніе, совокупленное съ худою волею, подобно безобразнымъ супругамъ.

СХХХІ.

Не знать нѣкоторыхъ вещей есть великая часть мудрости.

СХХХІІ.

Находящяся шакіе люди, кои, не смотря на всѣ ихъ' заблужденія и пороки, столь довольны сами собою, что шрудно узнать, какія бы они тогда имѣли мысли, когда бы исполнены были прямыми добродѣтелями и достоинствами.

СХХХІІІ.

Ложное поршнше разумѣ, бесполезное подаетъ причину утратить время, а вредное вливается во нравы и дѣлаешъ злыми.

СХХХІV.

Лицемѣръ подобенъ крошу, которой въ шемношѣ своей ногы хоша и считаешъ себя внѣ опа-

опасности; однакожъ рано или поздно выйдешь на свѣтъ съ головою, засыпанною дразгомъ.

СXXXV.

Женщина съ того времени, какъ уже рѣшится исполнить какое либо намѣреніе, отъ всего инаго можетъ отречься, кромѣ своего предпріятія.

СXXXVI.

Мудрый человекъ благо-склоненъ ко всѣмъ, откровенъ въ бесѣдахъ нѣкоторыхъ людей, а искрененъ только съ однимъ.

СXXXVII.

Не должно давать совѣщовъ ни глупцамъ ни дуракамъ; по-

шому что глупцы оныхъ не разумѣютъ, а дураки не исполняютъ.

СXXXVIII.

Весьма неблагоразуменъ тотъ, кто открываетъ свои тайны; ибо не могши самъ оныхъ сохранить въ неизвѣстности отъ другихъ, можетъ ли онъ надѣяться, что тотъ, кому онъ ихъ ввѣряетъ, будетъ въ сохраненіи оныхъ воздерживе?

СXXXIX.

Нещастіе человѣческое было бы совершенно, естли бы ему ничего не оставалось желать. И по сему-то нещастливы мы бываемъ соразмѣрно недостатку какой либо вещи къ щастію нашему.

СXL.

CXL.

Должно научиться несчастіями другихъ тому, чего мы сами собою испытать не хотимъ.

CXLI.

Роскошь и праздность, какъ два сосца всѣхъ пороковъ, вливаютъ въ видѣ сладостей бѣдснвнѣйшую язву въ душу и тѣло, наносятъ несносныя оскорбленія, бѣдность и смертноносныя болѣзни.

CXLI.

Въ разсужденіи любви притворныя набожницы имѣютъ много ошмѣннаго. Всѣ ихъ поступки означаютъ непрерывную связь тайностей, обмановъ, жадностей къ невоздер-

жанію, и въ самое то же время сопротивленій, побѣждаемыхъ легчайшимъ искушеніемъ. Онѣ въ шайнѣ и украдкою наслаждаются удовольствіемъ любить и быть любимою; но чтобъ и сіе было не примѣтно, то стараются удостовѣрять, что все то, что ни происходитъ, дѣлается отъ того, что онѣ были обманушы, а не прельщены.

CXLIII.

О стихотворцѣ, коего обхожденіе было очень скучно, говорили, что въ сочиненіяхъ его болѣе находится разума, нежели сколько онѣ самѣ имѣютъ, и что онѣ достойны превосходнѣйшаго уваженія, нежели онѣ самѣ.

CXLIV.

CXLIV.

Зависть наша всегда болѣе продолжается, нежели благополучіе шѣхъ, коимъ мы завидуемъ.

CXLV.

Добро и зло равно имѣютъ своихъ Героевъ.

CXLVI.

Свѣтъ глазамъ любовника не всегда кажется одинаковымъ. Онъ премѣняется съ состояніемъ его сердца. Если онъ щасливъ, все приметъ смѣющійся видъ, все становится спокойно и тихо. Ночь содѣлывается пріятнѣе дня. Мракъ ея есть прелестная завѣса, укрывающая уши. Ея безмолвіе

премѣняется въ гласъ самаго благополучія; все видѣ радостей принимаетъ. Годовыя времена ведутъ за собою съ новыми днями новыя забавы. Напосаѣдокъ свѣтъ становится позорищемъ блаженства. Естьли же онѣ несчастливѣ, то всѣ стихіи волнуютъ; день уже ничто иное, какъ мрачная ночь; предметъ радостей содѣлывается источникомъ злѣйшихъ горестей. Воздухъ уже не прохладенъ, убога и скучна въ веселіяхъ природа. Суровость любезной перемѣняетъ весь прелестной ея порядокъ; отъ оной являюся намъ небеса новыми, и не тѣ уже, кажется, въ ней сіяютъ звѣзды.

CXLVII.

Мы столь другъ другу должны, что наимблагодарнѣйшіе
люди

люди суть шѣ, кой не имѣютъ
неблагодарныхъ къ одолжені-
ямъ своимъ.

CXLVIII.

Тотъ есть благоразуменъ,
кто всегда, ожидая обмана,
одинъ только разъ быть мо-
жетъ обмануть.

CXLIX.

Въ неожиданныхъ печаляхъ
мы утѣшены быть можемъ ты-
сячью такими вещами, кои пре-
жде сего за одну минушу мо-
гли бы служить поводомъ къ
самому огорченію.

CL.

Великодушный человекъ
содѣлываемы имъ самимъ благо-
дѣя-

дѣянiя повергаетъ къ своимъ ногамъ; а тѣ, кои получаютъ, кладетъ на свое сердце.

СLI.

Гордость не любитъ давать въ долгъ, а самолюбiе плашитъ.

СLII.

Съ помощiю хитрости щеславныхъ людей доводятъ къ открытiю такихъ тайноспей, кои бы они не согласились ввѣришь и самому дружеству.

СLIII.

Ненависть есть часто подлая и несправедливая страсть, и такая, коей гордые люди спа-

стараются казаться непоробощенными; презрѣніе же, какъ кажется, имѣетъ источникомъ благородную горделивость, поставляющую насъ сверхъ устремленныхъ противъ насъ ругательствъ. Отъ того-то производитъ, что каждый, опасаясь ненавидѣть своихъ непріятелей, все то дѣлаетъ, что только можетъ показать его человекомъ, презирающимъ ихъ.

CLIV.

Спроси у людей, благопріятностями щастія наслаждавшихся, какое время жизни казалось имъ гораздо пріятнѣйшимъ? Конечно скажутъ они, что время сіе было самое то, въ которое они озабочены были изысканіями и попеченіями о благополучіи ихъ. Они были
ща-

щасливѣе намѣреніями, нежели успѣхами въ оныхъ; ибо надежда о щастіи всегда имѣетъ въ себѣ болѣе успѣхъ, нежели самое наслажденіе, исполняющее насъ безмѣрною къ оному поспылостію. Воображеніе, согласующееся съ желаніями нашими, представляетъ намъ предметы, преслѣдуемые такими пріятностями, коихъ они въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Но едва мы лишь ими обладаемъ, какъ уже начинающъ они казаться намъ щещными, и мы удивляемся, что такъ много могли бытъ ими обмануты и обольщены.

CLV.

Естьли глупцамъ и не достаетъ какихъ либо пороковъ, то сіе происходитъ отъ того, что они уже никакихъ болѣе имѣть не могутъ.

CLVI.

CLVI.

Мудрый человекъ удаляется отъ свѣта и предается уединенію.

CLVII.

Непостоянство часто дѣлаетъ любовь сильнѣйшею. Не возможно почти тому повѣрить, что нѣжнѣйшія и чувствительныя души самопроизвольно предаются слабости сей даже въ самое то время, когда видятъ знаки великой къ себѣ горячности. Желаніе нравиться побуждаетъ ихъ украшаться безчисленными прелестями, и дѣлать усилія, кои имъ пріятны; но когда уже успѣваютъ они понравиться, то оставляютъ се ихъ желаніе.

CLVIII.

CLVIII.

Своенравіе заспаваляешъ женщинѣ искашь любви и почи-
пашъ сіе за неважное; и шо же
самое своенравіе побуждаешъ
ихъ убѣгашъ оной, такъ какъ
вещи, весьма много значущей.

CLIX.

Не смотря на шо, сколь мы
много гордимся пороками на-
шими и стараемся защищашъ
оныя; однако же есть такія
минушы, вѣ кои не безъ сожа-
лѣнія согласились бы мы предъ
другими бышь обнаруженными
шакowymi, каковы мы кажемся
самя себѣ.

CLX.

Мы легко тогда утѣшаемся
нешастіями своихъ друзей,
ко-

когда оныя служатъ къ оказанію доброты нашего къ нимъ сердца.

CLXI.

Когда пороки насъ оставляютъ, мы ласкаемъ себя мнѣніемъ, будтобы мы ихъ оставили.

CLXII.

Радость подобна приятному для обонянія цвѣтку, въ которомъ чтобъ всегда былъ шотъ же запахъ, то должны мы его нюхать умѣренно.

CLXIII.

Совершенная скромность не заключается въ отверженіи отъ себя 'должныхъ похвалъ, но въ

Д

ока-

оказаніи нечувствительности къ усуремаемымъ на ся несправедливостямъ.

CLXIV.

Принятіе отъ друга благодаренія есть не меншій знакъ дружбы, какъ и благодарность, за оныя плашмая. Излишняя разборчивость есть обидная недоверчивость; иногда жертвуется оной и самое удовольствіе одолажать.

CLXV.

Безпрерывно доброе правленіе и просвѣщенные Министры суть лучшія средства къ содѣланію правленія самовластнымъ самага по себѣ.

CLXVI.

CLXVI.

Недостойнѣ имени добраго, кто не имѣетѣ возможности бытъ худымѣ; всякая другая доброта по большой части имѣетѣ источникѣ свой ошѣлѣности и слабосилія.

CLXVII.

Сколько гордости и сколько прошивоположеній находится въ нравахѣ людей! Они учредили казнь за дѣйствіе чинимое для избѣжанія бѣдности, и не менѣе наказуютѣ презрѣніемѣ шѣхѣ, кои имѣютѣ сполько отважности, чтобѣ пребытъ въ оной.

CLXVIII.

Люди, ищущіе своихѣ пользѣ, льстятѣ знатнымѣ людямѣ по-

хвалами, дабы получать отъ нихъ выгоды; а знашныя люди льстятъ имъ обѣщаніями, чшобъ слышать отъ нихъ похвалы.

CLXIX.

Во время бѣдствія нашего уже не друзья наши принимають въ насъ участіе, но берутъ оное неприятели, отъ коихъ мы бываемъ гонимы.

CLXX.

Великодушіе презираетъ все для того, чшобъ все имѣть.

CLXXI.

Высокія обѣясненія въ обыкновенныхъ бесѣдахъ подобны звѣздамъ, кои по причинѣ великой ихъ отдаленности не освѣщаютъ землю.

CLXXII.

CLXXII.

Съ щеславнымъ такъ обходяшся, какъ въ игрѣ съ дитяшею. Берутъ его за полы, поднимаютъ вверхъ; онъ протягиваетъ голову, не можеть воздержаться отъ радости, а около его кричатъ: ахъ! какъ же онъ великъ!

CLXXIII.

Юность есть непрерывное пьянство, лихорадка разсудка.

CLXXIV.

Роптанія на несчастія, могущія быть уничтоженными помощію трудовъ нашихъ, не означающъ великость злополучія, но слабость нашего духа.

CLXXV.

Мы признаемся въ малыхъ порокахъ для удостовѣренія, что не имѣемъ большихъ.

CLXXVI.

Еслили бы мы не уважали почета, отъ другихъ намъ оказываемаго, то ничего бы такого не имѣли, чтобъ могло заставить насъ благородно о себѣ мыслить.

CLXXVII.

Законоискусство пребудетъ здраваго разсудка, полишика обширнаго разума, а война присутствіе духа.

CLXXVIII.

Малоумные такой же почти дѣлаютъ шумъ въ свѣтѣ, каковой

ковой причиняющъ по улицамъ скачущія пусшыя повозки.

CLXXIX.

Кажется, что человеческій умъ освобождается глупостей перемѣною ихъ самихъ въ новые виды, и что все совершенство разума нашего состоитъ въ избраніи новыхъ заблужденій.

CLXXX.

Успѣхъ разумнѣйшаго предпріятія мудраго человѣка не рѣдко зависитъ отъ воли и дѣлопроизводства дурака.

CLXXXI.

Не трудно увѣрить людей въ томъ, чего они желаютъ; а и того еще легче въ томъ, чего они боятся.

CLXXXII.

Мы любимъ всегда тѣхъ, кои намъ удивляются; а тѣхъ не всегда, коимъ мы удивляемся.

CLXXXIII.

Мы неуспѣшны, когда бываемъ обмануты отъ непріятелей; но напрошивъ того часно бываемъ довольны, естли обманываемъ сами себя.

CLXXXIV.

Хорошо слушать и хорошо отвѣчать, есть одно изъ величайшихъ совершенствъ, кои можно имѣть въ обращеніи.

CLXXXV.

Между слезою и великимъ именемъ находящся такая разность,

ность, каковая обрѣщается между великимъ человекомъ и Героемъ.

CLXXXVI.

Истинный Философъ былъ бы тотъ, кто бы могъ обойтись безъ наставленія Философіи.

CLXXXVII.

Есть упреки, кои служатъ въ похвалу, а похвалы въ упреки.

CLXXXVIII.

Противорѣчіе иногда подобно спуку въ двери, дабы спровѣдать, есть ли кто дома.

CLXXXIX.

Тотъ, кого называютъ великимъ разскащикомъ, не всегда

есть краснорѣчивой, разумной и острой чело-вѣкѣ; ибо то, что говоритѣ разумный чело-вѣкѣ, о томѣ онѣ уже конечно долго и подробно разсуждалѣ; про что разсказываетѣ чело-вѣкѣ острого ума, по крайней мѣрѣ оное имѣ живо изобра-жается; но напрошивѣ того не рѣдко въ томѣ, что говоритѣ великой разсказчикѣ, ничего не находится основательнаго ни въ мысляхѣ ни въ изъясненіяхѣ, и сіе его достоинство не иное что есть, какѣ навыкѣ и чрез-мѣрное изобиліе въ словахѣ; ибо естѣли бы не говорилѣ онѣ много, никогда бы не сказали, что говоритѣ онѣ хорошо.

СХС.

Мы съ толикою радостію
вспоминаемѣ о содѣланномѣ
нами

нами добрѣ, что мы явились бы сами неблагодарными, естли бы не прощали неблагодарныхъ.

СХСІ.

Живость шоль пошребна для разума, какѣ здравіе для шѣла. Оная содѣлываетѣ человѣка гораздо способнѣйшимѣ, какѣ кѣ добру и злу, равномерно кѣ наслажденію жизнию и кѣ худому употребленію оныя.

СХСІІ.

Много обманывается шотѣ, кошорой думаетѣ, что нашелѣ самѣ вѣ себѣ средство не имѣть ни вѣ комѣ другомѣ нужды; а еще болѣе шотѣ, кошорой почишаетѣ, что другіе безѣ него обойшися не могушѣ.

СХСІІІ.

СХСІІІ.

Глупецъ въ возвышеніи подобенъ на горѣ стоящему чело-
вѣку, съ высоты коея всѣ лю-
ди какъ ему кажутся малыми,
такъ и онъ имъ таковымъ же
видится.

СХСІV.

Уединеніе содѣлываетъ для
насъ обхожденіе или очень за-
шруднительнымъ, или весьма
мало значущимъ.

СХСV.

Тѣ, кои наиболѣе желаюшъ
быть извѣстными, должны бы
болѣе стараться лучше мало,
нежели много быть знаемыми.

СХСVІ.

СХСVI.

Свѣтъ производитъ дураковъ, а обращеніе въ ономъ шворитъ людей умными.

СХСVII.

Находится родъ шакихъ людей, коимъ приписываютъ похвалу; пошому что скучно уже стало отказывать имъ въ оной. Приобрѣшашели шакихъ похвалъ уподобляются нлщимъ, кои получаютъ милостыню помощію доукъ своихъ.

СХСVIII.

Мало людей умѣютъ бытъ старыми.

СХСIX.

Настоящія наши наслажденія столь рѣдки и скорошечны,
что

что человекъ содѣлался бы существомъ наименѣе счастливымъ, если бы Природа не одарила его надеждою, обольщающею наслажденіемъ неизвѣстныхъ и отдаленныхъ благъ. Самый счастливѣйшій человекъ могъ бы быть недоволенъ, если бы ему оставалось ожидать только шѣхъ благополучій, кои могутъ съ нимъ случиться. Тогда почиалъ бы онъ счастье свое крайнямъ, не смотря на окружающія его утѣхи; неизвѣстность же будущаго, открывая пространнѣйшее оныхъ поле, даетъ наслаждаться всемъ шѣмъ, чѣе только онъ признаетъ возможнымъ.

СС.

Возблагодаримъ убо Природу за содержаніе ея въ неизвѣстности

носпи всего до насъ касающагося. Чрезъ сіе самое даетъ она намъ наслаждаться такими благами, въ коихъ она намъ отказываетъ и услаждаетъ: наивеличайшія несчастія. По крайней мѣрѣ мы оныя претерпѣваемъ не прежде, какъ по наступленіи уже ихъ. Она съ нами въ семъ случаѣ поступаетъ столь со-спрадательно, какъ Судія съ преступниками, коимъ объявляютъ приговоръ тогда уже, какъ должно приступить къ исполненію.

ССІ.

Умные и одаренные достоинствами люди часто бывають несчастливы отъ того, что не находятъ случаю дать себя узнать; дураки же напрошивъ того несчастливы тѣмъ, что все

все подаетъ имъ случай быть
извѣстными.

ССII.

Мудрый человекъ равно употребляетъ въ пользу какъ бѣдствія, такъ и щастіе сей жизни. Онъ подобенъ землѣ, всасывающей въ себя съ пользою дожди ненастныхъ дней, дабы чрезъ то способнѣе можно было переносить зной жаровъ.

ССIII.

Добродѣтель, неупотребляемая въ свѣтъ, признается за порокъ уединенія; порокъ же, сообразующійся съ онымъ, почитается за добродѣтель общества.

ССIV.

CCIV.

Отсутствие умаляетъ сред-
ственныхъ страсти, а умножа-
етъ великія, на подобіе вѣпра,
попущающаго свѣчу и при-
водящаго въ большую силу пла-
мень.

CCV.

Когда уединеніе не служитъ
душѣ покойшемъ, то оно дал
нее шурьма.

CCVI.

Пространство разума подо-
бно острому зрѣнію, которое
приближаетъ отдаленнѣйшіе
отъ насъ предметы, но не въ
состояніи насъ скорѣе до оныхъ
довести.

CCVII.

Наиблагополучнѣйшее время жизни нашей есть то, въ коемъ мы наслаждаемся разумомъ, опрехшись слабостей; наипрѣятнѣйшее же время для женщины есть самое то, въ печеніи коего наслаждается она ими на щетъ разума.

CCVIII.

Помышленіе о смерти во время жизни нашей подобно свѣту, произходящему отъ зарева, видимаго во время ночи отъ возгорѣнія вещей, долженствующихъ вскорѣ исчезнуть отъ свирѣпости пламени.

CCIX.

Много людей презираютъ богатство, но мало шакихъ, которые бы оно давали.

CCX.

ССХ.

Когда любятъ, то часто сомнѣваются въ вѣрнѣйшихъ вещахъ.

ССХІ.

Мы находимъ здравой разсудокъ въ тѣхъ только, кои одинакаго бывають съ нами мнѣнія.

ССХІІ.

Диогенъ, избравши бочку себѣ жилищемъ, былъ дуракъ тѣмъ совершеннѣйшій, что почиталъ и хотѣлъ быть считаеми за разумнѣйшаго въ свѣтѣ человека.

ССХІІІ.

Благоденствіе обнаруживаетъ насъ другимъ таковыми,

каковы мы въ самомъ дѣлѣ
есть; бѣдствіе же дастъ намъ
самимъ узнавать, кто суть ис-
стинные наши друзья.

ССХІV.

Какъ честность потребна
въ торговыхъ дѣлахъ, такъ
благодарность въ обществѣ.
Мы плашимъ не для того, что
обязаны сіе дѣлать, но въ шомъ
намѣреніи, чтобъ обязать дру-
гихъ въ другой разъ насъ ссу-
дить.

ССХV.

Находятся такія истинны,
для исполненія коихъ не до-
стаетъ только одобренія ща-
сливыхъ людей.

ССХVІ.

Боле прибытка отъ знаш-
ныхъ въ посѣянїи ихъ поро-
ковъ,

ковъ, нежели въ удобреніи своихъ земель.

ССXVII.

Множество дѣлалось такихъ глупостей, каковыхъ бы и самый глупецъ никогда не могъ сдѣлать.

ССXVIII.

Нравоучители, равномерно какъ и живописцы, подвержены двумъ порокамъ: живописцы дѣлаютъ прекрасные, но не сходные портреты; а тѣ изображаютъ людей сходнѣе, но гораздо безобразнѣе, нежели каковы они бываютъ.

ССXIX.

Чрезъ похвалу друзей доказывается наша къ нимъ любовь;

но неудовольствіе, къ нимъ являемое, служитъ гораздо достовѣрнѣйшимъ опытомъ нашей къ нимъ дружбы.

ССХХ.

Внутренній настоятъ въ своихъ заблужденіяхъ, такъ какъ будто человекъ, никогда не могущій обмануться. Напрощивъ же шого основательной поддерживаешь и самую испияну безъ виду совершенной въ самомъ себѣ удостовѣренности.

ССХХІ.

Люди подобны младенцамъ, кои, охотно подвергаясь опасностямъ, всегда негодуютъ на шѣхъ, которые стараются въ шомъ имъ препятствовать. И
по

по сему Правительствво, подобное въ семъ случаѣ кормилицѣ, должно наиболѣе всего имѣть попеченіе о возпрепятствованіи, чтобѣ люди, ввѣренныя попеченіямъ онаго, сами себѣ не вредили.

ССXXII.

Женщины весьма легко ввѣряютъ тому, что ихъ любящѣ, и весьма почищаютъ себя обиженными, когда въ семъ обманываются.

ССXXIII.

Много находится такихъ людей, кои почищаются весьма скрытными; въ самомъ же дѣлѣ кажутся они шаковыми по тому только, что не имѣютъ никакихъ тайностей, и слѣдова-

пельно ничего такого не находятъ, чтобъ должно имъ было открытъ другимъ.

ССXXIV.

Совѣщанія рѣдко даются съ добрымъ намѣреніемъ, и рѣже еще того пріемлются съ радостію и производятъ желаемые успѣхи. Оныя всегда почти толкуютъ въ худую сторону, потому что они ничего иначе не означаютъ, кромѣ превосходства разума; да и тѣ самыя, кои ихъ даютъ, только что стараются о овазаніи сего ихъ превосходства. Словомъ, совѣщанія не приносятъ пользы ни подающимъ оныя; ибо часто рождаютъ вмѣсто любви ненависть; и ни тѣмъ, кои ихъ принимаютъ, потому что естли находящійся въ семъ случаѣ чело-
вѣкъ

вѣкъ просвѣщенной, то не имѣетъ ни малой вѣ оныхъ надобности; естли же невѣжда, то не можетъ онымъ послѣдовать.

ССХХV.

Люди, возведенные на высокія достоинства, оказываютъ презрѣніе къ тѣмъ, кои могутъ отъ нихъ снести; не любятъ же весьма тѣхъ, которыхъ они не вѣ состояніи удручить онымъ совершенно.

ССХХVI.

Надмѣнный, спараясь казаться совершенно честнымъ человекомъ, ни вѣ какомъ дѣлѣ не можетъ столько много обнаружить свою гордость, какъ вѣ семъ случаѣ.

Е 5 ССХХVII.

ССХХVII.

Истинныя мнѣнія подобны бриліантамъ, носимымъ Государями; ложныя же суть поддѣланные хрустали, украшающіе комедіантовъ, играющихъ только одну свою ролью.

ССХХVIII.

Должно быть свѣдому о многихъ истинахъ, дабы найшися въ состояніи познать все шѣ заблужденія, кои поражаются ошѣ однихъ наружностей.

ССХХIX.

Однимъ только мужчинамъ позволяется любить несовершенно, женщины же обязаны отдавать ошчестѣ даже и въ само-

самомаалѣйшихъ своихъ слабоспяхъ. Однако же признаются онѣ въ оныхъ не иначе, какъ тогда, когда совершенно страстно любящъ своихъ любовниковъ.

ССXXX.

Стараніе познать самаго себя должно препоручить ревнивой женщинѣ; ибо она ничего до насъ касающагося не упуститъ, потому что прозорливость соединена съ сею презрительною страстію. Она откроетъ всѣ наши достоинства, сыскавши въ насъ прежде того такіе пороки, коихъ мы со-всѣмъ еще не имѣли.

ССXXXI.

Честолюбіе подобно огню, которой пожираетъ равно какъ

какъ худыя, такъ и драгоценнѣйшія вещи.

ССХХІІ.

На солнце и на смерть
смотрясь пристально не
можно.

ССХХІІІ.

Много находится такихъ
благородныхъ женщинъ, кои
теряютъ себя безвозвратно отъ
того, что отвергаютъ, а не
раздѣляютъ глупостей большаго
свѣта. Напротивъ же того
купчихи многимъ подвергаются
непріятностямъ отъ того, ко-
гда вступають въ большой
свѣтъ. Тогда равныя возста-
ютъ противъ нихъ отъ за-
висти, а болѣе отъ ложнаго
ихъ честолюбія; свѣтскія же
жен-

женщины стараются всѣми своими силами наказывать ихъ за учиненную имъ обиду чрезъ дерзновенное ихъ предпріятіе подражать имъ.

ССXXXIV.

Бѣзпристрастіе въ любви и ненависти есть споль для Судіи достойный характеръ, что желаніе достигнуть такой рѣдкой добродѣтели часто обольщаетъ насъ до такой степени, что мы можемъ обвинить несправедливо пріятеля и оправдать врага своего.

ССXXXV.

Люди все свое искусство такъ много истощаютъ на старанія доставлять себѣ хорошія мѣста, что ни мало не осмѣется уже

уже имѣ того искусства, которое необходимо нужно имѣть для исполненія возложенной на нихъ должности.

ССXXXVI.

Умѣренность преобразена въ добродѣтель для ограниченія честолюбія великихъ людей, и для дарованія посредственнаго состоянія людямъ утѣшенія въ маломъ ихъ щастіи и достоинствѣ.

ССXXXVII.

Неблагодарность подобна ложной, но въ употребленіи находящейся монеты, на которую хопя и всякой жалуется, однакожь стараешься, какъ бы можно скорѣе съ рукъ сбыть.

ССXXXVIII.

ССХХVІІІ.

Вѣ щастіи должно упра-
влять себя, точно какъ вѣ здо-
ровьѣ: наслаждаешься онымъ, ко-
гда оно хорошо; имѣть шер-
пѣніе, естли оно худо, и не
упошреблять никогда лѣкарствъ
безъ крайней нужды.

ССХХХІХ.

Женщины отъ страсти лю-
бятъ и отъ страсти же къ
другому перестаютъ любить.
Одна простая невѣрность не по
ихъ вкусу; она не могла бы
ихъ привести въ искушеніе:
измѣна, исполненная яда, въ си-
лахъ только ихъ вовлечь въ
оное.

ССХL.

Сочинителя *Тристама Санди*
спрашивали, не нашелъ ли онъ
во

во Франціи такой подражанія достойный характеръ, которой бы могъ быть помещенъ въ семъ его романъ? Нѣтъ, ошвѣчалъ онъ; люди, въ оной живущіе, подобны монетамъ, на коихъ выбитое изображеніе со-всѣмъ уже стерлось.

ССХLI.

Философія легко торжествуетъ надъ прошедшими не-щастіями и будущими, но на-стоящія торжествуютъ надъ нею.

ССХLII.

Униженіе не рѣдко бываетъ одною только притворною по-корностію для приведенія въ послушаніе другихъ. Ковар-ство унижающейся гордости
для

для возвышенія хотя бы превратилось въ тысячу другихъ обманчивыхъ видовъ, но никогда не можетъ лучше быть переодѣша и способѣе къ уловленію, какъ покрывшись лично униженія.

ССХLІІІ.

Скоротечна та любовь, которая насъ привязываетъ къ женщинѣ, имѣющей одну только красоту. Прелести и пріятности увидають мгновенно. Мѣра любопытства нашего составляетъ степень нашей нѣжности. Коль же разумъ присоединенъ бываетъ къ симъ наружнымъ пріятностямъ, кои рушитъ наслажденіе: тогда любовь наша будетъ умножаться; тогда разпространится она, и станетъ возгарать въ насъ при каждой

Ж

ми-

минуть. Разумъ при красотѣ есть то, что утренняя роза межъ цвѣтами. Когда же мы усмотримъ соединенными съ разумомъ и красотой своеобразность, презрительное упрямство, тщеславіе, ревность и злонавіе: тогда-то уже должны мы закрытьъ глаза противъ всѣхъ нашихъ упражненій и должностей; тогда-то уже будемъ мы въ вѣчномъ плѣну и станемъ любить въ одной особѣ прехъ, разумную, прекрасную и своенравную любовницу.

CCXLIV.

Тѣхъ не всегда презираютъ, кои имѣютъ пороки; но презираютъ тѣхъ, кои не имѣютъ никакихъ добродѣтелей.

CCXLV.

Жизнь человѣческая подобна шашечной игрѣ, въ продолженіе коей всякой занимаетъ мѣсто по собственнымъ его достоинствамъ. Какъ же скоро она кончится, то шахи, доведи, кавалеры, пѣшки и слоны безъ различія кладутся въ одинъ мѣшокъ.

CCXLVI.

Гораздо лучше нравиться, не употребляя въ помѣ искусства, нежели знать искусство нравиться.

CCXLVII.

Благополучіе и зависть подобны огню и дыму. Возгора-
 Ж 2 ющій-

ющійся огонь всегда кажется невидимъ за густою дымомъ, но по мѣрѣ, чѣмъ болѣе пламень размножается, дымъ уменьшается и исчезаетъ.

ССXLVIII.

Мы въ мнѣніяхъ нашихъ споль нешверды и непостоянны, что два спорящіеся человекѣ не рѣдко чрезъ нѣсколько времени перемѣняютъ свои мысли, и каждой изъ нихъ держится уже такого мнѣнія, которое имѣлъ прежде его противоборникъ.

ССXLIX.

Великимъ умамъ прилично сказать многое въ малыхъ словахъ; а шѣ, кои лишены онаго, имѣ-

имѣютъ даръ говорить много и ничего не сказать.

CCL.

Отличившимся на Олимпийскихъ играхъ не позволено было создавать себѣ ступун выше настоящаго ихъ росту. Надзиратели, учрежденные надъ сими играми, когда шаковыя находили, то совсѣмъ оныя низпровергали. Подобно сему слава разрушаетъ ступун шѣхъ, коихъ леть излишно возвысила.

CCLI.

Желать отъ всѣхъ похвалы и почтенія есть знакъ къ дуракамъ излишняго, а къ честнымъ и разумнымъ людямъ малаго уваженія.

CCLII.

Гордые и щеславные люди подобны ржанымъ колосьямъ, которые чѣмъ выше, тѣмъ пуще бываютъ.

CCLIII.

Глупецъ, желающій казаться умнымъ человѣкомъ, всегда выбираетъ для сего такія средства, которыя самаго умнаго человѣка могутъ сдѣлать дуракомъ.

CCLIV.

Кто надѣется отъ сооруженія здавій быть извѣстнымъ потомству, тотъ ожидаетъ долженъ отъ каменщиковъ описанія своей исторіи.

CCLV.

CCLV.

Любовники другъ друга узнаютъ не прежде, какъ по продолженіи любви. Друзья же не обязываются дружбою, пока взаимно одинъ другаго не узнаютъ. И такъ любовники другъ друга знаютъ по тому, что любятъ; а друзья одинъ другаго любятъ для того, что знаютъ.

CCLVI.

Люди всѣ равны какъ въ республиканскомъ, такъ и въ деспотическомъ правленіяхъ. Въ первомъ для того, что всѣ равно сильны; а въ другомъ по тому, что всѣ ничего не значатъ.

CCLVII.

Тончайшая изъ всѣхъ хитростей состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть притвориться, будто впадаетъ въ разставленные намъ сѣти.

CCLVIII.

Судія есть говорящій законъ, а законъ немый Судія.

CCLIX.

Толь же легко обмануть себя не примѣтно, сколько напротивъ того трудно обмануть другихъ, чтобъ того не примѣтили.

CCLX.

Между женщинами находящяся различные народы: просвѣщен-

щенной народъ свѣтскихъ женщинъ, дикой народъ сельскихъ жилищницъ, вольный народъ прелестницъ, торговый народъ женщинъ, обманывающихъ мужей своихъ; непобѣдимый народъ вѣрныхъ женъ, военный народъ хитрыхъ женщинъ, и высококомѣрный народъ полуученыхъ.

CCLXI.

Щастіе слѣпо кажется тѣмъ только, коимъ не дѣлаетъ никогда добра.

CCLXII.

Равно трудно быть довольнымъ, когда любяшъ много и когда мало.

CCLXIII.

Въ старости становяща или
умнѣе или глупѣе.

CCLXIV.

Трудно любить шѣхѣ, ко-
ихѣ мы не почитаемѣ; еще
шруднѣе шѣхѣ, кошорыхѣ по-
читаемѣ болѣе себя.

CCLXV.

Почиташъ себя хитрѣе дру-
гихѣ, естѣ вѣрнымѣ способомѣ
скоро бышъ обманушу.

CCLXVI.

О истинной любви то же
можно сказать, какѣ и о пря-
видѣнїяхѣ. Всякой обѣ оной го-
воритѣ, но не многіе се ви-
дали.

CCLXVII.

CCLXVII.

Грубые благодѣтели подобны шѣмъ мрачнымъ шучамъ, кои, угрожая людямъ спасностию, низливаютъ на нихъ благошворный дождь.

CCLXVIII.

Обманувъ другихъ, почитаемъ мы себя искуснѣйшими шѣхъ, коихъ мы обманули; но будучи обмануты, признаемъ себя добрѣйшими таковыхъ, кои насъ самихъ уловили въ сѣти.

CCLXIX.

Хотя гордость и щеславіе не рѣдко видимъ мы вмѣстѣ соединенными, однако же нѣтъ такихъ нравственныхъ качествъ, кои бы были между собою столь
раз-

различны, какъ оныя. Гордый человекъ имѣетъ о себѣ высокія мысли; тщеславный желаетъ шаковыя о себѣ другимъ внушать. Гордый думаетъ, что другіе обязаны ему удивляться; тщеславный же болѣе старается заслужить уваженіе, нежели быть подлинно того достойнымъ. Гордый человекъ, принимая на себя надмѣнный видъ, хочетъ симъ самымъ заставить почтивать себя; тщеславный же ищетъ похвалы помощью употребляемыхъ имъ въ дѣйство малыхъ хитростей. И такъ гордость дѣлаетъ людей непріятными, а тщеславіе странными.

CCLXX.

Политическое шло подобно
человѣческому. Первенствующая
власть изображаетъ голову. За-
коны

коны и обычай суть шѣло, сіе основаніе нервѣ и мѣсно понятій, воли и чувствѣ, коихъ суди суть органы наши. Купечество, художество и хлѣбопашество, суть рошѣ и желудокѣ, изготавляющіе пищу. Общественные доходы суть кровь, изъ которой мудрая экономія устроиваетъ сердце, и помощію оной изливаетъ во все шѣло пищу и жизнь. Граждане суть члены, приводящіе въ движеніе механизмѣ шѣла и въ дѣятельность жизнь и труды; и естли изъ оныхъ хотя одинѣ спраждетъ, въ такомѣ случаѣ голова чувствуетъ жестокую боль.

ССLXXI.

Дураки имѣютъ шу одну выгоду надъ умными людьми, что

что сія послѣдніе ошѣ великаго
кѣ нимѣ презрѣнія не при-
мають вѣ разсужденіи ихѣ ни
малой предосторожности.

ССLXXII.

Женщины суть пшицы, пере-
мѣняющія перья два или три
раза вѣ день. Дома онѣ ша-
рапорки, вѣ прогулкахѣ павы,
а на единѣ горлицы.

ССLXXIII.

Дабы содѣлать злаго чело-
вѣка скромнымѣ, то не должно
сѣ нимѣ ни о чемѣ иномѣ го-
ворить, какѣ только о худыхѣ
его поступкахѣ, или о добрыхѣ
дѣлахѣ прочихѣ людей.

ССLXXIV.

CCLXXIV.

Судебныя мѣста уподобляли шерновымъ кустамъ, въ коихъ овцы, укрываясь отъ хищныхъ волковъ, никогда не возвращаются оттуда безъ того, чтобъ не оставить въ оныхъ большую часть своей шерсти.

CCLXXV.

Мы слѣпы въ разсматриваніи состоянія нашего; ибо все отъ насъ сокрыто въ неизвѣстности. Мы, не рѣдко желая свершить самыя выгоднѣйшія наши намѣренія, часто ввергаемся шѣмъ въ наивящія несчастія, и напрошивъ того часто достигаемъ щастія чрезъ таке случаи, кои прежде казались намъ ведущими къ однимъ только безднамъ напастей.

CCLXXVI.

CCLXXVI.

Когда бѣдствіе помрачаетъ дни наши, тогда-шо добродѣшель озаряетъ насъ во всей силѣ истиннымъ ея свѣтомъ. Въ семъ случаѣ можно ее уподобить шѣмъ ароматическимъ растеніямъ, копорыя жмутъ, дабы извлечь изъ оныхъ сокъ и запахъ.

CCLXXVII.

Честный человекъ никогда не долженъ почитать себя униженнымъ нанесенными ему обидами; ибо всегда состоитъ въ его власти, прощая оныя, доказать, сколь много онъ превосходитъ враговъ своихъ.

CCLXXVIII.

ССLXXVIII.

Красавицы были бы еще любезнѣе, естли бы умѣли забывать о томъ, что красота служитъ способомъ любить насъ.

ССLXXIX.

Должно ни во что вмѣнять какъ пороки великихъ людей, такъ и похвальные дѣла дураковъ.

ССLXXX.

Главная польза, получаемая нами отъ обращенія съ значными людьми, есть то самое отвращеніе, которое мы напоследокъ ощущаемъ къ ихъ порокамъ.

CCLXXXI.

Порокъ подобенъ василиску, о коемъ повѣствуютъ басни, что когда его предузрѣваютъ, тогда теряешь онъ свой ядъ.

CCLXXXII.

Блестящія добродѣтели ведутъ къ славѣ, а сокровенныя достоинства къ щастію. Можно уподобить сіи послѣднія млечному пуши звѣздъ; посліку онъ сушь сборище темныхъ и малыхъ добродѣтелей, не имѣющихъ никакого себѣ названія.

CCLXXXIII.

Большая часть женщинъ всѣ дни свои провождаютъ въ стараніяхъ доставлять себѣ при-
ятныя

яшныя ночи, а оныя вѣ доставленіи себѣ скучныхъ дней.

CCLXXXIV.

Любовь есть лучшей и пріятнѣйшей нравоучишель. Она укрощаетъ страсти, исключая одной той, которую она сама внушаетъ. Она выводитъ насъ изъ пороковъ и заблужденій, образуетъ и умягчаетъ сердце. И кто бы могъ повѣрить: она налагаетъ узду даже на самолюбіе.

CCLXXXV.

Находяшся люди, кои столь живѣйшее принимаютъ удовольствіе вѣ спорахъ, что почти не можно быть съ ними одинаковаго мнѣнія, ниже опровергнуть оное.

CCLXXXVI.

Никогда сполько скука не снѣдаетъ насъ, какъ во время радостей нашихъ; и гораздо лучше сносишь грусть, заставляющую насъ искать оныхъ, нежели то уныніе, которое всегда слѣдуетъ послѣ радостей.

CCLXXXVII.

Науки подобны большому зданію, надъ коимъ совокупно многіе трудятся. Одни вѣ потѣ лица таскаютъ камень изъ грудъ, другіе носятъ оныя къ строенію, иные поднимаютъ ихъ на оное руками и махинами; но тотъ, кто оныя кладетъ, одинъ почитается главнымъ основашелемъ зданія.

CCLXXXVIII.

CCLXXXVIII.

Женщины не могутъ представлять никакое лицо безъ порицанія. Еслии онѣ склонны къ любовнымъ дѣламъ, то ихъ презираютъ. Когда онѣ хищры, то ихъ боятся. Еслии показываютъ онѣ себя предъ всѣми учеными и остроумными, въ такомъ случаѣ надъ худыми ихъ сочиненіями смѣются, а хорошія изъ оныхъ приписываютъ другимъ, и имъ опасается одно только посрамленіе, что объявили себя сочинительницами оныхъ.

CCLXXXIX.

Большая часть людей до сихъ поръ не слѣдуютъ во-
вѣ явившейся Философіи, пока

она не примется множествомъ людей; и тогда-то уже они ее держатся изъ одного предувѣренія и по большинству голосовъ.

ССХС.

Прекрасная женщина такъ поступаетъ съ мужчинами, какъ искусной игрокъ въ шашки съ пѣшками. Не упуская изъ виду одного, обращаетъ вниманіе и на другое, что можетъ быть гораздо полезнѣйшимъ.

ССХСІ.

Находятся такіе знапные люди, кои столь достойны ихъ великости, что мы весьма много сожалѣемъ о томъ, что не въ состояніи находимся еще выше возвести ихъ къ щастію.

ССХСІІ.

ССХСІІ.

Устарѣвшая прелестница
 есть машина искусная, движу-
 щаяся, покрытая бѣлымъ, кра-
 снымъ, мушками, лентами, бу-
 сами, бриліантами, и сжатая
 шнурованьемъ, дѣлающимъ станъ
 ея шройнымъ, не смотря на то,
 что и самая природа отказа-
 лась уже оной прямо поддержи-
 вать. Сія машина имѣетъ го-
 ворящіе глаза, и уста, для то-
 го только отверзающіяся, дабы
 оказать маленькія слоновыя ко-
 спочки, вкладываемыя въ ротъ
 поупру и обратно изъ онаго
 полагаемыя на уборной ея сто-
 ликъ. Разломавши приспройки,
 успроенныя надъ ея головою, и
 опнявши изъ подъ ногъ упо-
 требляемыя вмѣсто башмаковъ
 ходули, на коихъ она ходитъ

днемъ, во время ночи убываетъ она на цѣлую четверть.

ССХСІІІ.

Даемъ обѣщанія по своимъ надеждамъ, а исполняемъ, смотря по обстоятельствамъ.

ССХСІV.

Находятся такія женщины, для которыхъ потеря чести служишь способомъ къ приобретению новой.

ССХСV.

Прелестница согласится лучше, дабы сомнѣвались въ добродѣтеляхъ, нежели въ силѣ прелестей ея; придворной же чело-
вѣкъ пожелаетъ болѣе, чтобъ
всѣ

всѣ сомнѣвались въ его честности, нежели въ случаѣ его при Дворѣ.

ССХСѢ.

Щастіе подобно своенравной женщинѣ, изъ гордости презирающей любовь наистрастнѣйшихъ ею.

ССХСѢ.

Очень бы было желательно, чтобъ законодательная власть сдѣлала законы болѣе исправляющими, нежели наказующими, и вмѣсто вымышленія новыхъ законовъ для наказанія, испытала бы прежде средства предупредить пороки, и уравнивала бы наказанія по мѣрѣ оныхъ; ибо народъ, не видащій различія

чія вѣ наказаніяхъ, привыкаешъ не имѣшь различія и вѣ преступленіяхъ; а сіе-то различіе и есть положеніе нравственныхъ дѣйствій. Отъ сего-то случается, что множество законовъ производятъ новыя преступления; а сіи новыя преступления требуютъ новыхъ законовъ. Средство изкоренять пороки не вѣ томъ состоитъ, чтобъ учинить наказанія общими, но вѣ томъ, чтобъ содѣлать ихъ по справедливости страшными. Въмѣсто теперешнихъ нашихъ темницъ, заключающихъ вѣ себѣ несчастныхъ, учинившихъ преступленіе, лучшебъ было возвратить ихъ для пользы общества, учредя особенныя мѣста для наказанія и уединенія, вѣ коихъ бы обвиненные должны были имѣшь при себѣ людей, могущихъ привести ихъ вѣ рас-

ка-

кажніе, естли они были виновны, и сладишь новыми силами добродѣтели, естли они были невинны. Симъ-то средствомъ, а не умноженіемъ наказаній можно исправлять государство. Казни долженствуютъ быть возмездіемъ смертоубійства; но не весьма впрочемъ полезно то общество человѣческихъ присвоенное себѣ право, которое за малое преступленіе повелѣваетъ лишать жизни. Безопасность наша требуетъ малаго пролитія крови. Человѣкъ можетъ видѣть послѣднее его преступленіе и безъ казни, которую онъ долженъ за сіе перенѣвать.

ССХСѢІІІ.

Естли знатные господа могутъ сдѣлать добро, то рѣдко

ко оное дѣлають; естли же
хотятъ вредить, не всегда имѣ-
ють къ тому случай.

ССХСІХ.

Государи, предающіеся льсте-
цамъ, дѣлаются невольниками
всѣхъ тѣхъ, копорые умѣють
хвалишь.

ССС.

Должно чипать не многое,
но много; не сполько всѣхъ
писателей, какъ лучшихъ.

СССІ.

Умы подобны часамъ. Ни
одинъ другъ съ другомъ не со-
гласуется, а всякой похваляет-
ся справедливостію своею.

СССІІ.

СССІІ.

ТѢ, кои скрываютьъ свои лѣ-
та, стыдящяся прошедшей ихъ
жизни.

СССІІІ.

Разумъ нѣкоторыхъ людей
подобенъ пошанному фонарю,
приносящему пользу тому, кто
его несетъ, и освѣщающему од-
ну только его дорогу.

СССІV.

У людей есть степенъ, ко-
торая устрояетъ и уничтожа-
етъ честолюбіе. Знашной чело-
вѣкъ низокъ и подлъ предъ
Самодержцемъ; простой дворя-
нинъ дѣлается невольникомъ
придворнаго; мѣщанинъ шерпѣ-

ливо сноситъ высокому́ріе дворянина.

СССV.

Цвѣтами украшенные луга, обрѣшенные нами во время странствованія жизни сей, должны шокмо прохлаждать насъ, дабы собравъ новыя силы, смѣлѣе шествовать къ цѣли пуши нашего. Въ семъ намѣреніи и самую забаву можно сдѣлать добродѣтельную. Симъ образомъ всего легче избѣжишь опасностей, копорыя близъ самыхъ забавъ часто скрываются.

СССVI.

Испытавшіе превратности щастія обыкновенно жалуются на весь свѣтъ; ибо къ нещастію и весь свѣтъ имѣетъ такое

кое же обыкновеніе. Но напрошивъ того подвергнувшіеся бѣдствію отъ неосторожности своей навлекаютъ на себя болѣе презрѣнія, нежели состраданія; потому что всякой, имѣя о себѣ доброе мнѣніе, не думаетъ, чтобъ онъ могъ учинить такой поступокъ, кошорой бы ввергнулъ его въ несчастіе.

СССVII.

Совѣты часто не иное что суть, какъ право говорить глупо для возпрепятствованія другимъ глупо дѣлать.

СССVIII.

Тотъ есть совершенно знающъ въ обхожденіи, кто умѣетъ сколько можно болѣе обращать людей на сторону ихъ самолюбія.

бія. Когда мы знаемъ ксташи сыскать вѣ нихъ такіа дарованія, коихъ употребленія они не знали: тогда они обязаны намъ бывають тайною радостію, произходящею отъ отккрытія сего ихъ достоинства.

СССІХ.

Находится много такихъ умныхъ людей, кои вѣ разговорахъ и поступкахъ своихъ излишно принужденны и строги. Нѣкошорая женщина сказала про такого челоувѣка: *его надобно съзнанова передѣлать.*

СССХ.

Забавы не купленные, кои ми всѣ наслаждашья могутъ, но не многіе наслаждаються, суть лучшія и продолжительнѣйшія.

СССХІ.

СССXI.

Добродѣтели щастливаго человека пріятны и удобны; но напротивъ того добродѣтели нещастнаго всегда шрудны и суровы. Щастливому человеку стоить только вознамѣриться сдѣлать добро; а нещастной, чтобъ произвести такое, долженъ оному чѣмъ либо пожертвовать.

СССXII.

Разумный человекъ весьма поступаетъ худо, рассказывая глупцамъ про такое дѣло, коего шонкости они не могутъ чувствовать. Симъ самымъ онъ поощряетъ ихъ только къ разговорамъ. Онъ еще не успеетъ ихъ увеселить, какъ они уже имъ начинаютъ скучать.

И СССРXIII.

СССХІІІ.

Реторическіе цвѣтки, размѣшываемыя въ проповѣдяхъ и рѣчахъ, исполненныхъ важностію, подобны сивенькимъ и краснымъ цвѣточкамъ, растушимъ въ хлѣбѣ. Оныя только пріятны для проходящихъ ими увеселяясь, и прошивны шѣмъ, кои желаютъ доброй жатвы.

СССХІV.

Чесполобіе есть коршунъ, приставленной у людей къ сердцу, которое онъ непрестанно шерзаетъ. Философъ по справедливости можетъ всякаго человѣка называть Промешеемъ. Государи завидуютъ сосполянню своихъ сосѣдей; Министры Государямъ; придворные сѣшуютъ о томъ по-
чше-

чтеніи, которое отдавать должны Министрамъ; простые дворяне умираютъ съ отчаянія, что не могутъ поступить въ придворные и въ первые чины въ государствѣ; купцы и мѣщане шудяся только для того, чтобъ сдѣлались дворянами; земледѣлецъ въ упражненіяхъ своихъ завидуетъ мѣщанину, котораго почитаетъ онъ человекомъ почтеннымъ. И такъ жизнь человѣческая протекаетъ въ безпрестанныхъ безпокойствахъ; и когда придетъ смерть, то вмѣсто, чтобъ сказать, что жили, должны признаться, что во всю жизнь свою не насытились только имѣли желанія.

СССХV.

Знатное рожденіе, изящныя достоинства, любезная добро-

дѣшель, тогда только поражаютъ другихъ зрѣніе, когда щасіе лучами освѣщаетъ добрыя сіи свойства. Оныя подобны цвѣшамъ усѣяннымъ долинамъ, копорыя не видимы ночью, и коимъ одно только солнце сообщаетъ всю ихъ красоту.

СССХVI.

Весьма щасливы тѣ, кои не знаютъ знатныхъ; а щасливѣе еще тѣ, копорые незнаемы ими.

СССХVII.

Люди подобны пшамъ, самопроизвольно попадающимъ въ тѣ же самыя сѣши, въ кои уловлено было сто тысячъ имъ подобныхъ. Нѣтъ ни одного изъ смершныхъ, копорой бы, вспу-

вступая въ свѣшѣ, не былѣ новѣ, и глупости отцовѣ не пользуяшѣ чадамѣ.

СССХVIII.

Вѣра имѣетѣ двѣ окружающія ея пропасти: суевѣріе и безвѣріе, отѣ которыхѣ весьма уклоняшѣя должно. Такова шо участь бѣднаго и слабаго чловѣчества! Онѣ впадаетѣ или въ ложную набожность, или въ мерзкое безвѣріе, и не иначе, какѣ съ великимѣ трудомѣ середины держашѣя можешѣ.

СССХІХ.

Замѣчено, что слабыя женщины болѣе прочихѣ почитаютѣ себя твердыми. Трудно узнать, отѣ глупости ли происходитѣ сіе ихѣ мнѣніе, или

отъ того, что не ожидаютъ никакой опасности, по наступленіи которой ни малаго уже не употребляютъ сопротивленія.

СССХХ.

Когда добродѣтельная женщина единожды согласилась отдать свое сердце, тогда уже онымъ совершенно обладаютъ. Истинность ея характера чужда сноровокъ и наружностей, употребляемыхъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ кокетками и поспояницами, дѣлающими къ себѣ доступъ затруднительнымъ. Справедлива будучи въ сопротивленіи желаніямъ своимъ, не менѣе того справедлива она въ отдачѣ сердца своего. Она сдается для того, что не можешь прошивиться.

Наи-

Наипрезрительнѣйшія же кокетки иногда стоющѣ превосходнѣйшаго шруда, и лицемѣрныя часто противопологаютѣ больше препятствій въ любви, нежели сіи добродѣтельныя женщины.

СССXXI.

Бышь удостовѣренну въ томѣ, что человекѣ до смерти не переменитѣ ни одного изѣ его мнѣній, естѣ равно, какѣ бы вѣришь тому, что лице его ни мало не измѣнится послѣ того времени, въ которое онѣ списалѣ съ себя портретѣ.

СССXXII.

Вѣ такѣ называемыхѣ обшюяшельныхѣ и постоянныхѣ людяхѣ замѣчается обыкновен-

но безпокоющая насъ важность и шягость, наводящая намъ скуку; самый здравый ихъ разсудокъ, полезный намъ иногда въ дѣлахъ, всегда несносенъ для насъ въ веселіяхъ.

СССХХІІІ.

Женщины должны спараться болѣе внушать къ себѣ почтенія, нежели любви. Онѣ бы отъ того болѣе имѣли выгодъ; имѣ не такъ бы скоро изъяснялись въ любви; а та, кошорая къ нимъ возродилась, была бы долговременнѣе и принесла бы болѣе удовольствій. Тогдашо бы отъ одной той мысли, что не должны сдаваться, въ самомъ бы дѣлѣ прошивоборствоваали спрасши, вмѣсто того, что почитал невозможнымъ защищаться, ослабѣвающѣ онѣ отъ

перяютъ оную, и она отъ нихъ исчезаетъ.

СССХХV.

Единыя науки и художества въ состояніи содѣлають царствованіе знаменитымъ. Онѣ славятъ народъ болѣе, нежели побѣды; размножаютъ разумъ и полезныя руководствія; привлекаютъ множество иностранныхъ, обогащающихъ ихъ любопытство, перенимающихъ ихъ склонности и пекущихся о ихъ выгодахъ. Народъ, могущій превосходить прочихъ науками, скоро бы усмотрѣлъ, что слава отъ оныхъ не безплодна бы была, и что выгода отъ нихъ не маловажнѣе той, каковую они получаютъ отъ полезной торговли, произрастающей отъ корня наукъ.

СССХХVI.

СССХХVI.

Множество друзей есть обыкновенный знакъ, что нѣтъ ни единого истиннаго. Множество сіе обличаетъ недостатокъ разума и опытности, показываетъ юношескую поропливость сердца, которое по естеству своему желаетъ всегда переменны и старается нравиться и пріобрѣсть любовь многихъ; легко приступаетъ къ услугамъ, которыя первоначально бывающъ слабостями, по томъ глупостями, и часто кончашся пороками.

СССХХVII.

Бережливость не сполько сама по себѣ, какъ ради вліянія въ высочайшія добродѣтели, почтенна. Человѣкъ, не умѣющій

щій обращаться съ деньгами, часто приводящъ себя въ такія обстоятельства, которыя лишаютъ его, ежели не самаго нужнаго, то по крайней мѣрѣ многого времени, покоя, душевныхъ силъ, и тысячи случаевъ дѣлать добро; и во многихъ обстоятельствахъ, противу воли его, принуждаютъ быть нечестнымъ и несправедливымъ. Должно быть бережливымъ сперва и въ самыхъ малостяхъ, которыя порознь ничего не стоятъ и шѣмъ болѣе искушаютъ; но въ теченіи времени, сложивъ ихъ вмѣстѣ, составляютъ столь же великое расчисленіе, какъ бы и въ одинъ разъ сумму сію издержали.

СССХХVIII.

Находясь такія женщины, кои, не имѣя ни единой добродѣтели,

дѣтели, принадлежащей къ ихъ сословію, по глупости перенимаютъ того пола достоинство, которому онѣ за честь почитаютъ подражать; въ самомъ же дѣлѣ отдаляются отъ снисканія силы и совершенства достоинствъ сихъ, а принимаютъ ихъ только видъ и наружность; и порабощены будучи въ заблужденіи находящемуся воображенію своему, величаютъ себя именемъ мужчины; но дерзнувъ отречься стыда, скромности и непорочныхъ чувствованій, сихъ отличныхъ знаковъ ихъ бытія, чрезъ то становятся недостойными именоваться даже и женщинами.

СССХХІХ.

Истинны рукою Всевышняго разсѣяны повсюду въ непроходимыя

димомъ и дремучемъ лѣсу. По одной лежащей около онаго дорогѣ идетъ множество путешественниковъ; изъ числа оныхъ есть такіе, коихъ одна густота деревьевъ побуждаетъ въ оный пробираться. Но сіи, вступая въ лѣсъ при видѣ колющаго шерновника, не успѣютъ еще сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, какъ покидаютъ уже свое намѣреніе и выходятъ на прежнюю дорогу. Малое же число другихъ путешественниковъ, побуждаемыхъ къ сему пуши не однимъ только скоропечнымъ любопытствомъ, но живѣйшимъ и постояннѣйшимъ желаніемъ славы, входятъ въ лѣсъ, отважно переходятъ чрезъ рвы и не престають до тѣхъ поръ по оному странствовать, пока не сыщутъ случая обрѣсти малую или важную испину.

ну. По семъ открытіи они возвращаются назадъ, проходящъ чрезъ путь сей истинны до самой шой большой дороги, съ которой становятся они видимы прочими путешественниками, коимъ для открытія сей истинны не доставало живѣйшаго желанія и нужной терпѣливости, пошребной для снисканія оныя.

СССХХХ.

Честнолюбіе весьма оправно, потому что когда оно ограничено, то служитъ знакомъ благороднаго чувствованія, сабдствіемъ и означеніемъ великой души; естльм же оно простирается до чрезвычайности, то принимаетъ на себя видъ противнѣйшаго и горестнѣйшаго порока. Да и подлинно крайнее

нее честолюбіе есть такая страсть, которая заставляе́тъ насъ не чини́ть ни крови, ни знакомства, ни должности. Скупой иногда дѣлается щедрымъ для своего друга, любовникъ не рѣдко также жертвуетъ оному своею любезною; но честолюбивый напрошивъ того все приноситъ въ жертву предмету, къ которому онъ стремится, и которымъ желаетъ обладать. И по сему изъ всѣхъ несчастій, производимыхъ человѣческими страстями, менѣе достойны сожалѣнія мудраго человѣка тѣ, кои происходятъ отъ честолюбія.

СССXXXI.

Два рода людей не имѣютъ нужды въ просвѣщеніи и разумѣ другихъ: малое число людей

дей

дей съ великимъ даромъ, и великое множество дураковъ.

СССXXXII.

Дабы гнусныя мнѣнія несовершенно могли зашарѣться въ родъ человѣческомъ, то должно для сего имѣть прибѣжище къ послѣднему средству, а именно: поступать съ онымъ подобно дитяшѣ, коему должно отдавать игрушку, дабы чрезъ сіе самое можно было выманить у него изъ рукъ опасное орудіе. Такъ равно, дабы избавить родъ человѣческій отъ превосходиѣшихъ пороковъ, то должно вовлечь оной въ новѣйшія заблужденія; ибо несовершенство и щеславіе разума человѣческаго всегда имѣетъ нужду въ такомъ мнѣніи, на коемъ бы оныя могли утверждаться.

I СССРXXXIII.

СССXXXIII.

Тому единому принадлежитъ благородное имя друга, кошо-рой раздѣляетъ шруды наши, въ горести нашей огорчается, въ несчастіи купно съ нами плачетъ, помогаетъ прежде прозьбѣ нашей, любитъ, не ласкашельствуя намъ; а хопя и видишь неудовольствіе наше, не льстишь однакожъ прихотямъ нашимъ.

СССXXXIV.

Не быть охопникомъ къ по-купкамъ есть доходъ великій. Тысяча вещей, стоящія запла-ченной цѣны, но не требуемая ни нуждою ни пристойностію, а шокмо модою, искусствомъ художника, и зрѣніемъ новосць

и рѣдкость любящаго одобрен-
 ныя, принадлежатъ въ число из-
 держекъ, для которыхъ мы дол-
 жны быть весьма бѣдны, дабы
 шѣмъ богатѣе быть для необ-
 ходимостей, служащихъ къ спо-
 койствию нашему въ разсужде-
 ніи благодѣянiя къ бѣднымъ.

СССХХV.

Снисканіе чувственныхъ
 утѣхъ удобно, какъ радость
 по наслажденіи скоропечна; рав-
 но и горячность, съ каковою мы
 предаемся онымъ, такъ скоро
 истощается, что душа не успѣ-
 етъ еще вкусить всю сладость
 утѣхъ, какъ уже отъ оныхъ
 отвращается и прелетаетъ къ
 новому предмету, которой по
 томъ также быстро оставля-
 етъ. Разумъ же имѣетъ отъ
 чувственныхъ утѣхъ совсѣмъ

особенное свойство; оной довольствуется обрѣшеннымъ и нищетѣ способовъ долго шѣмъ наслаждашься.

СССXXXVI.

Истинный Философъ есть тотъ, кто другимъ прощаетъ, какъ человекъ, дѣлающій каждой день пропуски; воздерживается же отъ оныхъ, какъ человекъ не снисходящій порокамъ.

СССXXXVII.

Совершенно разумный человекъ не весьма усиленно толкается у дверей знатныхъ людей; но или дожидается, пока оныя сами не отворяются, или совсѣмъ отъ нихъ уходитъ прочь.

СССXXXVIII.

СССXXXVIII.

Жизнь молодому человеку кажется новымъ приятнымъ и увеселяющимъ его знакомствомъ; но къ оному онъ еще не столько сильно приаплаенъ, и оставить можетъ оное безъ прискорбія. По мѣрѣ же, сколь мы болѣе входимъ въ лѣта, жизнь кажется намъ стариннымъ нашимъ другомъ, когото бесѣда хотя и спановится печальна, разумъ не имѣетъ ничего приятнаго, и малодушіе его и пороки беспокоятъ насъ; однакожъ не смотря на все сіе, мы его любимъ, и не иначе его лишаемся, какъ съ совершеннымъ сожалѣніемъ и печалію.

СССXXXIX.

Роль ученыхъ и духовнаго чина людей есть самошруднѣй-

шая въ свѣтѣ. Одни изъ оныхъ непрестанно идутъ между лицемерствомъ и соблазномъ, другіе же между гордостію и униженіемъ.

СССXL.

Государи поступающъ съ людьми, какъ съ монетами. Они имъ дающъ такую цѣну, какую хотящъ; другіе же привужденными находятся употреблять ихъ по назначенной цѣнѣ, а не по тому, чего они въ самомъ дѣлѣ стоящъ.

СССXLI.

Мы не мало времени имѣемъ, но много онаго теряемъ. Мы жизни не получаемъ крапкой, но дѣлаемъ ее таковою;
 мы

мы не только не имѣемъ въ ней
недостатка, но и распочаемъ.

СССXLII.

Находятся люди, споль охотливые къ спорамъ, что ихъ никакими разсудительными представленіями убѣдить не можно. Таковые умы подобны эху, всегда повторяющему послѣднія слова произнесенныхъ рѣчей.

СССXLIII.

Быть скупымъ на время, есть весьма честно.

СССXLIV.

Какъ въ несчастіяхъ свойственно имѣть прибѣжище къ Философіи, такъ въ проигрышѣ искать утѣшенія въ любовницѣ.

СССXLV.

Мы все имѣемъ, такъ какъ смертные; а всего желаемъ, какъ бессмертные.

СССXLVI.

Человѣкъ занятой ничего такъ мало не имѣетъ, какъ жизни, и нѣтъ для него труднѣе науки, какъ наука жить.

СССXLVII.

Добрый Государь долженъ быть подобенъ Аполлоновой статуѣ, имѣющей въ одной рукѣ мечъ, а въ другой цифру; то есть, онъ долженъ употреблять силу, дабы его почитали иностранцы, и пріятность, чтобъ быть любимымъ отъ своего народа.

СССXLVIII.

CCCXLVIII.

Теряя жизнь, желаютъ есѣ самую учинить благополучиѣ, и мысли свои вдаль разполагаютъ, не зная, что самая сія отсрочка служитъ намъ наибольшою потерею жизни. Оплагательство исправленія всякой находящейся въ нашей волѣ день похищаетъ и отнимаетъ настоящее, обѣщая будущее.

CCCXLIX.

Наинужнѣйшее правило въ воспитаніи состоитъ въ наученіи юношей, до какого степени должны они быть чувствительны ко мнѣніямъ людей.

CCCL.

Тѣмъ болѣе должно бы было запретить думать, что мы

другъ отъ друга независимы, чѣмъ болѣе нынѣ люди стараются шаковыми показываться.

CCCLI.

Когда болѣзнь находится въ несогласіи съ здравіемъ, тогда слѣпецъ, вооруженный палкою (лѣкаръ), приходитъ въстановлять между ими согласіе. Онъ старается ихъ помирить; когда же въ семъ не успѣваетъ, то бѣтъ палкою, самъ не зная кого. Еслии онъ излаиваетъ болѣзнь, то убиваетъ оную; еслии же попадаетъ ему здоровье, то и оно отъ рукъ его погибаетъ.

CCCLII.

Тѣхъ жизнь очень коротка и бѣдна, которые прошедшее забы-

забываютъ, о настоящемъ не радятъ, будущаго боятся; приближась же къ концу хопя видятъ, но поздно, что столь долго они были заняты, сколь долго они ничего не дѣлали.

CCCLIII.

Многіе теряютъ день, ожидая ночи, а ночь, опасаясь дня.

CCCLIV.

Самыя большія богатства опасны суть; и нѣтъ хуже вѣришь, какъ самому большому счастью. Къ поддержанію счастья пошребно другое счастье.

CCCLV.

Мы не ищемъ нашимъ несчастіямъ конца, но только качества ихъ перемѣняемъ.

CCCLVI.

CCCLVI.

Философъ ищетъ истинны, чшобъ быть въ состояніи узнать свое предопредѣленіе, и оное познавши, показать прочимъ. О ней онъ размышляетъ, пошому что она есть свѣтъ, при единомъ сіяніи котораго могутъ шолько люди безопасно шествовать. Онъ хочетъ все знать, пошому что хочетъ быть въ состояніи оцѣнить всякое благо, чшобы не выбрать худаго, и знать всѣ отношенія существъ, чшобы лучшее отобравши, по оному учредить свои поступки.

CCCLVII.

Люди, чрезъ многіе чины вошедши на высочайшій степень достойнства, умирая видятъ,
чшо

что они спудились только для одной надгробной надписи.

CCCLVIII.

Вздохи любви кажутся быль нѣжнѣйшія дыханія, исходящія изъ глубины сердца, которыя невидимою цѣпью соединяются въ одно мѣсто и производятъ сей симпатической вихрь, силою своею взаимно соединяющій двухъ любовниковъ.

CCCLIX.

Источники добра и зла сокрыты, и мы не извѣстны, которой долженъ отвориться для орошенія жизни нашей.

CCCLX.

Твердость разумныхъ есть одно только искусство скрывать
вашь

вашь волненія, произходящія въ ихъ душѣ.

CCCLXI.

Лѣта наши подобны шаю-
щему отъ солнца снѣгу.

CCCLXII.

Щастіе временныя блага не
отдаешъ никому въ вѣчность,
но шокмо нѣкопорымъ дошо-
лѣ, пока оному угодно, въ со-
храненіе поручаешъ.

CCCLXIII.

Воля нынѣшнихъ людей хра-
нится въ сундукахъ.

CCCLXIV.

Честъ такоого свойства : она
ищетъ того, кто ее не знаетъ;
бесѣ-

бесѣдуетъ съ тѣмъ, кто ее не слушаетъ; обращается съ тѣмъ, кто ее не видитъ; гоняется за тѣмъ, кто прочь отъ нее убѣгаетъ; прославляетъ того, кто ее презираетъ; нехотящаго желаетъ, не требующему идетъ встрѣчу, незнакомому себя вѣряетъ, оставляетъ тѣхъ, кои дорого ее цѣнятъ, и напрошивъ того обитаетъ у тѣхъ, кои ее за ничто спавятъ.

CCCLXV.

Глупость и развратъ есть жить для того бѣдно, чшобъ умереть богатымъ.

CCCLXVI.

Великія вещи долгаго времени и особливаго труда къ усроенію и приращенію своему шребу-

буютъ, и также отъ сама-
лѣйшей причины во мгновеніе
ока разрушаются и упадаютъ.

CCCLXVII.

Воспоминаніе прошедшихъ
веселій умножаетъ настоящія до-
сады.

CCCLXVIII.

Та же самая гордость, ко-
торая заставляетъ насъ охуж-
дать недостатки, отъ коихъ
мы почитаемъ себя свободными,
побуждаетъ презирать добрыя
качества, коихъ мы не имѣемъ.

CCCLXIX.

Въ первой страсти женщи-
ны любятъ любовника, а въ
другой любовь.

CCCLXX.

CCCLXX.

Большая часть честныхъ женщинъ есть сокрытое сокровище, кои пощому находятся въ безопасности, что ихъ не ищущъ.

CCCLXXI.

Обязывать неблагодарныхъ не столь худо, но быть обязаннымъ безчестному человѣку несравненно несноснѣе.

CCCLXXII.

Веселости наши смѣшаны съ огорчительными случаями; и часто бываетъ, что часы веселія нашего получаютъ цѣну свою единственно отъ печальныхъ, которые предшествовали имъ.

CCCLXXIII.

Есть нѣкоторый страхъ ,
производящій въ удовольствіяхъ
нашихъ самое то, что пріяный
корень во многихъ ѣствахъ.
Онъ то дѣлаетъ, что мы удо-
вольствіе наше чувствуемъ го-
раздо живѣе. Щастіе обыкно-
венно насъ много тревожитъ, отъ
того, что мы побѣждаемъ уже
страшное сомнѣніе о полученіи
онаго. Сладость, нами вкушае-
мая, не столь бы была велика,
еслибы страхъ сей не приво-
дилъ чувствованія наши, такъ
сказать, въ полное движеніе
ихъ.

CCCLXXIV.

Ничто не составляетъ на-
шего щастія, кромѣ того, что
мы сами за щастіе почитаемъ.

CCCLXXV.

CCCLXXV.

Поддерживать славу предковъ есть трудное бремя; ибо обыкновенныя добродѣтели людей затмѣваютъ ту славу, которая только совершенствами оныхъ приобрѣщается.

CCCLXXVI.

Чудное дѣйствіе природы! Человѣкъ тѣмъ менѣе собою утѣшается, чѣмъ болѣе только о собственномъ своемъ утѣшеніи печется. Сердце только тогда ощущаетъ радость, когда оно отдается другому; потому что его утѣшенія находятся въ его.

CCCLXXVII.

Достойный Министръ есть тотъ, который всегда говоритъ

о подданныхъ, рѣдко о Государѣ и никогда о самомъ себѣ.

CCCLXXVIII.

Должность Государя не въ томъ только состоитъ, чтобъ защищать законы отъ страстей другихъ, но чтобъ защищать оныя и противъ собственныхъ своихъ страстей.

CCCLXXIX.

Четыре селенія есть недостаточной подарокъ знатному господину, дѣлающемуся бѣднымъ, или бѣдному, дѣлающемуся великимъ господиномъ. Государя могутъ обогатить общественную бѣдность, но не могутъ помочь бѣдности, роскошью чинимой.

CCCLXXX.

CCCLXXX.

Что можетъ быть несноснѣе того, какъ въ томъ не лъзя запереться, въ чемъ признашья стыдно!

CCCLXXXI.

Скупость есть непрости- шельной порокъ и такая страсть, которая была бы лишнею въ природѣ, ежелибъ она не слу- жила наказаніемъ тому, кто ею зараженъ бываетъ.

CCCLXXXII.

Кто доброе изъ рукъ упу- скаетъ, тошъ уже зло дѣлаетъ.

CCCLXXXIII.

Какой странной не порядокъ въ нашихъ нравахъ! Молодые
К 3 люди

люди почти всѣ роскошны, а старыя по большой части скупы. По мнѣнію моему сему бы должно быть на оборотѣ; ибо чѣмъ кто старѣе, тѣмъ ближе къ смерти,

CCCLXXXIV.

Наипаснѣйшее изъ всѣхъ злоупотребленій есть злоупотребленіе Философіи; ибо лучшихъ вещей худое употребленіе есть вредоноснѣйшее изъ всѣхъ прочихъ.

CCCLXXXV.

Воспоминаніе добрыхъ дѣлъ есть пиршество, гораздо пріятнѣйшее для души, нежели нанживѣйшія радости кипящей молодости.

CCCLXXXVI.

CCCLXXXVI.

Есть такіе люди, кои столь дѣшельны и въ предпріятіяхъ своихъ скоры, чпо начинаютъ тысячу вещей, прежде нежели окончатъ одну; и оканчиваютъ тысячу прочихъ, не начавъ нѣб оныхъ ни одной.

CCCLXXXVII.

Рабъ имѣетъ надъ собою одного властелина; честолюбивый же столько, сколько есть людей, нужныхъ для его щастія.

CCCLXXXVIII.

Мы желаемъ быть любимы, дабы самихъ себя гораздо болѣе любить.

СССLXXXIX.

Деньги есть хорошей слуга,
но худой господинъ.

СССXC.

Однимъ только тиранамъ
своиспвенно заставляящъ почи-
пашъ ихъ своеобычность прави-
ломъ, власть ихъ доказатель-
ствомъ, а ихъ успѣхи един-
спвенными всего причинами.

СССXCI.

Много найдется женщинъ, кои
препоручашъ намъ ихъ дѣла и
тайны; но рѣдко такихъ, кои
бы открыли намъ ихъ лѣта:
ибо чѣмъ болѣе онѣ оныхъ имѣ-
ютъ, тѣмъ удобнѣе видяшъ, сколь-
бы было нужно не имѣть
сполько.

СССXCII.

СССХСІІ.

Почтеніе, являемое во время возраждающейся страсти, гораздо надежнѣе благодарности, оказываемой при щастливой и удовольствованной уже любви.

СССХСІІІ.

Хотя и удивительно, однакожъ весьма по справедливо, что чрезмѣрное честолюбіе рѣдко не соединено бываетъ съ совершенною подлостію. Честолюбивый, алкая славы, не вѣдая, въ чемъ состоитъ истинная великость, ползаетъ, дабы возвыситься, подобно змѣямъ, прыгающимъ вверхъ помощію брюха, коимъ онѣ шруся по землѣ.

СССХСІV.

Пришвориться быть вольнымъ, есть наисруднѣйшее изъ всѣхъ пришворствъ.

СССХСV.

Друзей не для того должно любить, чтобъ испытывать; но для того должно испытывать, чтобъ любить ихъ.

СССХСVI.

О любви можно сказать, что она есть страсть, заставляющая чувствовать и желать. Чувствовать только есть быть нѣжну; чувствованіе же, соединенное съ желаніемъ, означаетъ нѣжность и сладострастіе; и есть ли то справедливо, что одно неоплучно отъ другаго, то между ниусомъ, нѣжностію и сладострастіемъ не можетъ быть, кромѣ наружныхъ различій, произходящихъ не столько отъ природы, сколько отъ разума и обычая.

СССХСVII.

СССХСVII.

Печаль не что иное есть, какъ любовь прошедшаго блага; радость не иное что, какъ любовь настоящаго добра; надежда же не что другое, какъ любовь блага будущаго.

СССХСVIII.

Гораздо шруднѣе казаться щастливымъ, нежели сдѣлаться таковымъ,

СССХСIX.

Народъ, которымъ управляеть золото, имѣеть судіями деньги.

CD.

Есть такіе люди, которые разорились не отъ чего инаго, какъ отъ дешевыхъ покупокъ.

CDI.

CDI.

Скупцы, подобны будучи жирнымъ пороссяшамъ, ни чрезъ что такъ не дѣлаютъ другимъ великаго удовольствія, какъ чрезъ смерть свою.

CDII.

Наиглавнѣйшее преимуще-ство Государей состоитъ въ способности превозвышать всѣхъ благодареніями.

CDIII.

Когда дѣлаютъ похвалу нѣкошорымъ людямъ за то, что они сряду нѣсколько часовъ говорятъ о какой нибудь вещи: то какую должно уже приписывать честь женщинамъ, кошо-
рыя

рыя между собою могутъ гово-
ришь цѣлой день о ничемъ?

CDIV.

Отъ чего происходитъ, что
мы видимъ очень мало людей,
знающихъ цѣну получаемыхъ
благодѣяній? Не отъ того ли,
что еще гораздо меньшее чи-
сло находится шакихъ, кои умѣ-
ютъ оныя дѣлать?

CDV.

Случай дѣлать зло пред-
ставляется намъ сто разъ въ
день, шворить же добро одинъ
только разъ въ годъ.

CDVI.

Въ Испаніи, увидя кого либо
въ первой разъ, спрашиваютъ:
изъ

изъ первыхъ ли онъ людей? Въ Германіи: хорошаго ли онъ общества? Во Франціи: случаенъ ли онъ при Дворѣ? Въ Голландіи: какъ онъ богатъ? Въ Англіи: какой это человѣкъ?

CDVII.

Средство нравиться женѣ своему мужу состоятъ въ томъ, чтобъ дѣлать то, что мужу нравится, и терпѣливо сносить то, что самой ей не нравится.

CDVIII.

Дабы какое либо сочиненіе могло удостоено быть совершеннаго почтенія, то должно его читать три раза. Въ первой разъ прочесть, чтобъ понять; въ другой разъ для того, чтобъ оуждать; а въ третій, дабы поправить.

CDIX.

CDIX.

Удостоверенность въ томъ,
что мы бравимся другимъ,
время отъ времени доставля-
етъ способы въ самомъ дѣлѣ
понравиться.

CDX.

Многіе, увѣщавая нещаст-
ныхъ, говорятъ: разумно ли
споль много печалиться? Сіе не
по лиже значить, какъ бы ска-
зать: не дуракъ ли ты, что
такъ нещастливъ?

CDXI.

Придворные люди такого
свойства, что ничего не даютъ
тѣмъ, кои имѣютъ нужду во
всемъ, и все даютъ такимъ,
кои имѣ

коимъ нѣшъ надобности ни
въ чемъ.

CDXII.

Кшо боишся терпѣть, тошѣ
терпитѣ уже то, чего боишся.

CDXIII.

Истинно добродѣтельный
мудрецъ предпочитаетѣ свое
сѣмѣйство сѣбѣ самому, свое
отечество его сѣмѣйству, и весь
человѣческій родъ его отече-
ству.

CDXIV.

Можно сказать, что вся
природа смѣется человѣку:
свѣтъ его обманываетѣ, жизнь
отъ него упекаетѣ, щастіе
ему насмѣхается, время лепитѣ,
смерть

смерть рушитъ его, земля поглощаетъ, забвеніе ничтожитъ, и тотъ, кто былъ вчера человекомъ, нынѣ ничто.

CDXV.

Мы то теряемъ, что спрашиваемъ; оставляемъ другимъ то, что намъ принадлежитъ; отдаемъ же въ сохраненіе одно только то, что мы другимъ давали.

CDXVI.

Въ молодости женщина болѣе желаетъ внушать въ другихъ къ себѣ страсть, нежели сама оной предается. То, что она называетъ нѣжностію, часто есть не иное что, какъ живѣйшій вкусъ, скорѣе могущій заставить ее сдаться, нежели
 А самая

самая любовь, и живость сія, увеселяя ее до нѣкотораго времени, прищупляется и угасаетъ такъ быстро, что она сама не чувствуетъ и ни мало о томъ не сожалѣетъ. Достоинство уловить себѣ навсегда любовника не стоитъ предъ ея глазами того, помощію коего она привязываетъ къ себѣ многихъ. Болѣе вѣтренна, нежели постоянна, всегда предана своевольству и щеславію. Она менѣе думаетъ о предметѣ, могущемъ обладать ею, нежели сколько о томъ, коимъ она владѣть можетъ. Она всегда ищетъ удовольствія и никогда его не находитъ. Избираетъ любовника не для того, что онъ хорошъ, но для удостовѣренія, что она такава. Часто любовника, ею оставляемаго, не болѣе она знаетъ того,

кто

кто мѣсто его заступилъ. Можетъ бытъ естѣли бы онъ былъ долго, то она не любила бы его, и которой въ короткое время имѣть долженъ участь своихъ предшественниковъ. Но виновна ли она въ томъ, что невѣрна? Прекрасная женщина не сполько зависитъ отъ себя, сколько отъ обстоятельствъ, коихъ по несчастію находится споль много мало ожидаемыхъ и скоро проходящихъ, что не удивительно, естѣли по многимъ приключеніямъ она не знала ни любви, ни сердца своего.

Вступила ли же она въ сіи лѣта, въ кои пріятности начинаютъ увядать, въ кои мужчины, къ ней уже равнодушные, предвѣщаютъ ей своею холодностію, что вскорѣ будутъ на нее смотрѣть съ отвраще-

ніемъ: тогда она старается предупредить ожидающее ее уединеніе. Прежде увѣрена будучи, что переменная любовника, переменяла она удовольствія, тогда считаешь она за щастіе сохранить одного спящего ей такой побѣды, которая его шворитъ для нее драгоцѣннымъ. Содѣлавшись постоянно ноше-рею, пріобучаетъ она сердце свое къ чувствительности. Принужденною находясь для благоприсойности убѣгать всего того, что служило къ ея разсѣянности и развращенію, дабы не впасть въ истомленіе, необходимо долженствуетъ она предаться совершенной любви, которая, въ прошедшей ея жизни будучи минувнымъ упражненіемъ, содѣлывается для нее уже единственной ошрадою. Она съ жестокостію къ оной при-

прилѣпляется, и что почитающѣ въ женщинѣ послѣднимъ остаткомъ навыка, есть часто слѣдствіе первой ея спрасши.

CDXVII.

Человѣкъ, приходящій на берегъ рѣки для преплытія чрезъ оную, окруженъ бываетъ толпою перевозчиковъ. Каждой къ нему подходитъ, всѣ представляющѣ ему свои услуги. Кажется, что для него остана-вливаются всѣ дѣла, и только что имъ однимъ занимаются. Но послѣ же самый человѣкъ, когда уже находишься на другомъ берегѣ, то не причиняетъ болѣе никакого шуму; никто не обращаетъ на него вниманія, и всѣ его одного оставляютъ. Се образъ Министра, вступающаго на свое мѣсто и обратно оное оставляющаго!

CDXVIII.

Зрѣлище свѣта, говаривалъ Пинэгоръ, подобно Олимпическимъ играмъ. Одни въ оныхъ содержатъ мѣста, и кромѣ своихъ выгодъ ни о чемъ иномъ не думаютъ; другіе для пріобрѣтенія славы теряютъ свою жизнь; иные же довольствуются зрѣніемъ на игры, и симъ послѣднимъ шамъ всѣхъ лучше.

CDXIX.

Можно сказать, что пороки ожидаютъ насъ въ теченіе жизни на подобіе шракширциковъ, у коихъ должно попеременно останавливаться, и не думаю, чтобъ опытъ научилъ насъ отъ нихъ убѣгати, хотя бы намъ и въ другой разъ позволено было итти по той же дорогѣ.

CDXX.

CDXX.

Въ младости человекъ, недоволенъ будучи самимъ собою, желаетъ, чтобъ потомки его были благоразумнѣе; въ шриццать лѣтъ подозрѣваетъ, что онъ самъ былъ неуменъ; въ сорокѣ лѣтъ онъ сіе познаетъ, и съ швердосцію предпринимаетъ исправиться; въ пятьдесятъ лѣтъ упрекаетъ себя въ отсрочкѣ, и снова рѣшился исполнить свои благія желанія; въ шестьдесятъ съ ужасомъ возобновляетъ оныя, и старается произвестъ въ дѣйство; наконецъ умираетъ съ желаніемъ, дабы дѣши его были благоразумнѣе, нежели сколько онъ былъ самъ.

К О Н Е Ц Ъ .
